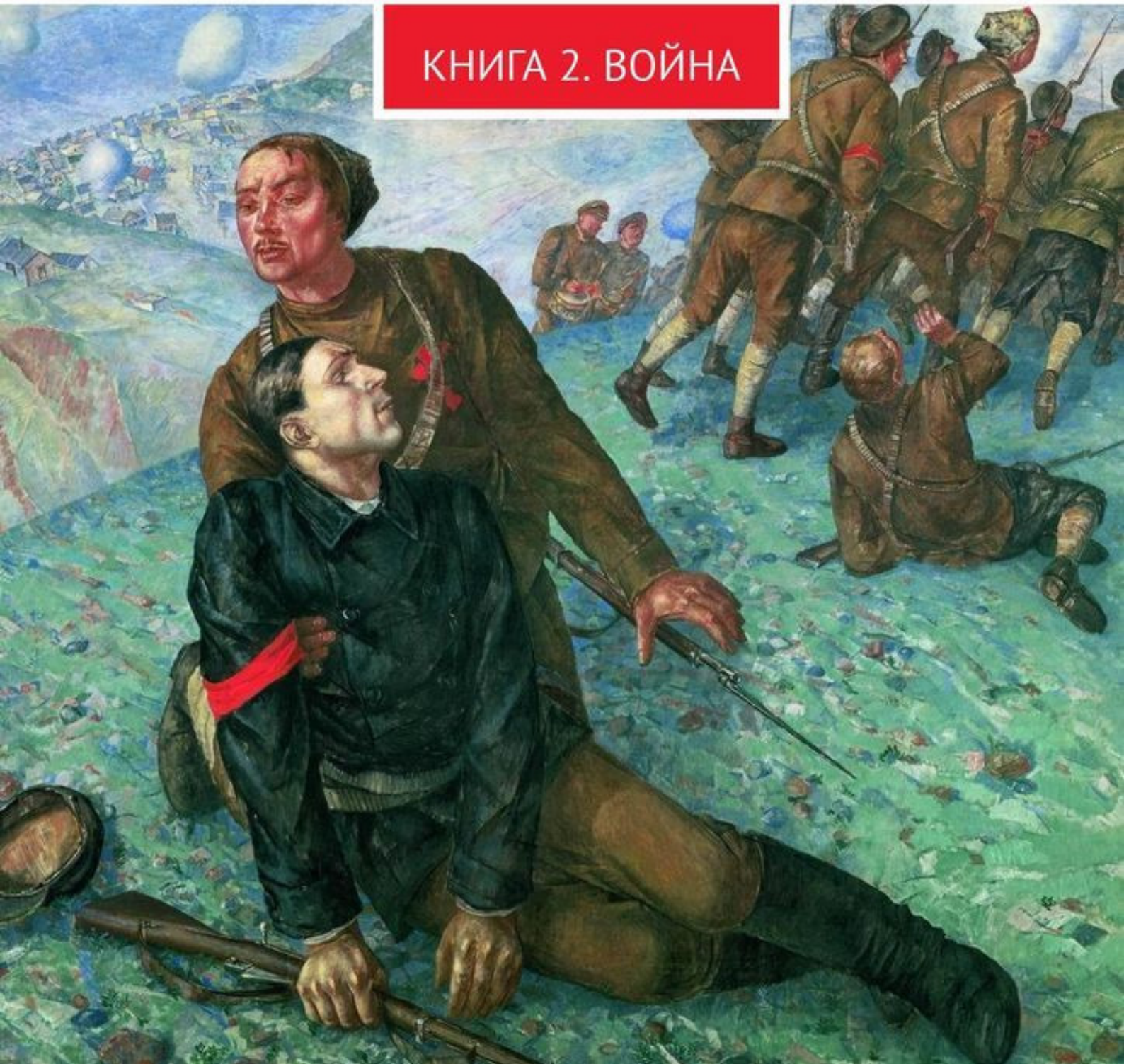
18+

АНАТОЛИЙ КРИКУН

Жизнь прожить — не поле перейти

КНИГА 2. ВОЙНА

Анатолий Крикун

Жизнь прожить – не поле перейти. Книга 2. Война

«Издательские решения»

Крикун А.

Жизнь прожить – не поле перейти. Книга 2. Война / А. Крикун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518697-3

Роман-эпопея, семейная сага, основанная на истории моих предков. Главный герой романа — Георгиевский кавалер, участник Мировой войны, революции и войны Гражданской. Удивительная история его биографии проходит на фоне важных событий истории России с участием главных действующих лиц и простолюдинов. Роман — попытка осмысления исторического пути России в первой половине 20-го века.

ISBN 978-5-00-518697-3

© Крикун А.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ВТОРАЯ 6
ВОЙНА 7
ГЛАВА ПЕРВАЯ 8
ГЛАВА ВТОРАЯ 14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 54
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Жизнь прожить – не поле перейти
Книга 2. Война

Анатолий Крикун

© Анатолий Крикун, 2020

ISBN 978-5-0051-8697-3 (т. 2)
ISBN 978-5-0051-8695-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ВТОРАЯ

ВОЙНА

Вот она, суровая жестокость
Где весь смысл-страдание людей!
Режет серп тяжёлые колосья
Как под горло режут лебедей

И свистит по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей…
От того, что режет серп колосья,
Как по горло режут лебедей

Было время великих бедствий,
Время диких, безумных страстей.

Есенин С.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В начале сентября 1911 года в Черниговку явилась почта с извещением о прохождении повторной медицинской ко-

миссии для очередного призыва в армию. Ещё раньше, все те, кому к сроку призыва исполнялось двадцать лет, тянули

жребий если будут годны к службе и по разнарядке будет излишек новобранцев. Кто вытягивал жребий – те на три года определялись на строевую службу в армию. Остальных годных записывали в ополчение и они проходили военные сборы. Из Черниговки годных оказалось тринадцать человек, в ополчение отравился всего один, не вытянувший «счастливую» бумажку и который к радости своей

дожидаться должен был большой войны, чтобы попасть в армию.

Справка (Не подлежали призыву: больные, единственный сын в семье, чтобы было кому род продлить; единственный сын при отце, которому исполнилось 50 лет; единственный брат при круглых сиротах; единственный внук при бабке и деде у которых нет взрослых сыновей; внебрачный сын при матери. В случае нехватки набирались добровольцами вольноопределяющиеся с 17 лет из студентов и охотники-добровольцы без жребия. Вольноопределяющиеся с высшим и средним образованием служили два года.

Освобождалось духовенство христианское и мусульманское достигшее возраста 22-х лет. Все, вышедшие в отставку рядовыми до 43-х лет и офицерами до 50—55 лет и способные к службе, составляли обязательное ополчение Казаки были обязаны служить без всякого выкупа и замены на своих лошадях и со своим снаряжением, сначала в подготовительной службе до 21 года, а затем до 33-х лет в строевой и до 38 лет находиться в запасе. Не подлежали призыву инородцы Сибири и Туркестана, Камчатки, Сахалина и Финляндии. Некоторые народы Кавказа и финны вносили денежный налог вместо воинской повинности. Финляндия отчисляла 12 миллионов марок ежегодно. Студенты имели отсрочку до 28 лет. Евреи не допускались на флот.) Но бумага- предполагает, а война- располагает, у неё свои законы.

Известия о призыве Степан ждал – чему быть – того не миновать. Отец, на этот счёт, со Степаном длинный разговор вёл, о службе своей повествовал, советы дельные давал.

– Ты, сынок, не к царю на службу идёшь- они разные у нас и им трудно угодить, а отечество у нас одно. Его и оберегать надо и землю от ворога оборонить и мать, и сестрёнок своих с родичами. Вон, Евсей Кузьмич, при царских персонах службу нёс, а войны избежал и награды имел. Крепко ему со службой повезло, но от муштры той с радостью ушёл и на землю вернулся и не к царям расположение имел, а к своей жене. А род наш, что за службу поимел? Как только царь Пётр мужиков в рекруты стал брить, а служилым дворянам землицей крестьянской кровавые услуги оплачивать и всех без разбору на войны стал гнать, то народец от него и побежал. И попов и староверов в войско гнали. Лоб у них выбривали, чтобы беглецов полегче искать и смертью для острастки наказывать. Ежели кто явится без строя, да в одёжке солдатской и бритой головой от общества выдаче властям подлежал. В каждом полку надлежало лекаря и палача иметь. Палач то – он лучше лечит. Отсечёт голову и всем болезням конец. Наши предки от Петра на Дон бежали и там покою не нашли. Вон, при покойном Александре Александровиче, на войну не гоняли, то и мужик на ногах крепче на земле своей стоял. А Николай зачем войну с япошками затеял – государству убыток и позор принёс и мужика озлобил. Что, нам, – земли не хватает? А народу сколько загубил? Так ты, в войске, не царю служи, а обществу- кто своим трудом кормится. Человека живого загубить – это не курицу зарезать, в нём душа живёт. Но ежели враг идёт на тебя и загубить хочет – будь он Иван Иванович или Вильгельм, самурай или дворянин, не сомневайся, если правду и веру защищаешь. Убить – наука не хитрая. Ты и птицу в лёт бьешь и силушкой не обижен. Косой и вилами так

машешь, что не приведи господь кому-либо на твоём пути встать. Солдату, как и мужику, терпение нужно – от того из мужика и солдат исправный выходит. Терпи, начальству не перечь – на то оно и начальство, что за тебя ответ держать должно, а не ты за него. Офицер, он тоже разный есть – и толковый и бестолковый. А в бою случится быть- то и своей головой соображать надобно. Там выбор небольшой – либо – грудь в крестах, либо- голова в кустах. Кто смел и умел – тот и в победителях. За нас не беспокойся. Василий скоро в мужики выйдет, а сёстры, и глазом не моргнешь, упорхнут из дома. Мы с матерью ещё силу имеем, хозяйство в порядок приведено, нужды ни в чём нет, служи спокойно.

Последнее свидание с Марией случилось в октябре. Новобранцев забирали на службу после окончания сбора урожая. В основе армия рядовым составом состояла из крестьян и отрывать крепких работников до окончания осенней страды было неумно. Дни стали короче, ночи холоднее. Будущего воина провожали двумя семействами за столом у Фёдора Ефимовича. Алёна и Меланья говорили о своём. Данила с Фёдором вспоминали свою службу, давали советы. Мария со Степаном сидели за столом рядышком и ждали удобного случая выйти из за стола. Меланья в дальнюю дорогу собрала заплечный мешок. Накинув верхнюю одежду, Степан с Марией устроились на скамье под вишнями, что не сбросили листву. Был ещё тёплый,

осенний денёчек: безоблачный, безветренный, окрашенный золотом и багрянцем листвы увядающего лета. Долго сидели молча. Мария из кармана жакета достала вышитый платочек, вытащила из него серебряные часы на цепочке с двуглавым орлом на крышке. Степан с удивлением посмотрел на вещицу и спросил:

– Откуда это у тебя?

– Это тебе мой подарок, чтобы вдалеке не забывал, а получила я его по милости известного тебе дедушки Евсея. Глянь, что сзади написано. Степан взял тяжёлые часы в руки, повернул и хотел прочесть. Наступавшие вечерние сумерки мешали ему различить маленькие буковки гравировки. Заметив свет от непотушенной лампы, что пробивался из протопленной бани, Степан предложил, чем зябнуть на скамейке, посидеть в бане и получше разглядеть подарок. Взял Марию за руку и завёл в пристрой, где стояла широкая скамья, висели сухие веники. На вешалке висел белый рушник и чистое бельё. На скамье стояли строем вёдра с водой. Дверь в баню была приоткрытой для доступа свежего воздуха и лучшей тяги. Угольки еще светили язычками пламени. От печки и стен шло тепло, на полке стоял медный таз, где запаривался дубовый веник. Степан поднёс часы к лампе, повернул их обратной стороной и прочел гравировку- «Починку Е. К. за верную службу. 1865г. Император Романов Александр Николаевич.» Буковки были меленькие и Степан читал долго, прищурив глаза.

– Так зачем же ты с приданым так рано расстаёшься? Вот вернусь со службы, так к свадьбе и яви деда Евсея подарочек.

– Мне дедушка Евсей повелел вещицу эту только суженому отдать, а ты мне богом послан и других суженых не будет. А часы возьми- они тебе предназначены. Я наказ выполнила, а тебе мой наказ- не забудь меня и не ищи девок на стороне, хоть и краше будут. Так любить как я никто не сможет!

Мария повисла на шее у Степана, уткнулась лицом ему в грудь. Суженый вымахал росточком под потолок и в бане ходил голову сгибая. Жакет сполз на пол, рука с головы сдёрнула платок, упавший на пол, волосы легли на плечи.

Мария прижалась жарким телом к груди Степана. Тот, склонив голову, жадно искал губами припухлые и сладкие губы любушки, сливаясь с ней в одно единое, трепетное целое. Кружилась голова. Тело Марии дрожало и звало. С полки загремел тазик и полетел веник. Горячей водой через штанину Степану обожгло ногу. В голове болью резанула мысль: «Нельзя, нельзя, нельзя! Не по- божески будет это, как родителям в глаза смотреть?! Да и как потом судьба повернётся, если что на службе случится? Как Марии потом жить?» С усилием Степан оторвал Марию от себя и тихо сказал:

– Потерпи, голубка, перемоги себя. И мне не в мочь, но по- другому не могу. Верь, меня от тебя никто не отворотит, три годочка пролетят. Выйдем на воздух, а то мне дышать тяжело! Послушай как сердце стучит! У нас в роду все однолюбы.

Мария, прижавшись ухом к груди, ощутила и услышала своей душой колотящееся сердце Степана. Остыв, и постояв наедине со своими мыслями у калитки, зашли в дом

и сели на своё место. Меланья с Алёной смотрели на молодых, пытаясь проникнуть в их мысли или догадаться о них. Фёдор с Данилой заканчивали разговор,

раскрасневшись от горячего чая. Три девицы с Василием

играли в карты не мешая другим и ведя свой весёлый разговор. Фёдор завершил долгие посиделки и

поблагодарил гостей. Данила, обращаясь к Алёне

промолвил:

– Пора и честь знать. Воину в баньку пора и с утречка готовым быть должен к убытию. С Боголюбовки тоже несколько новобранцев отправляются и дружок Степанов с ними. Если не проспите с утра ещё попрощаетесь.

Данила погрузил свое семейство на телегу и уже хотел стегануть лошадь, но Мария соскочила, взяла Степана

под руку и вместе они дошагали за телегой до околицы. Голова Марии лежала на плече Степана. Данила медленно правил лошадью, понимая что следующий случай пройтись вдвоём у Степана и Марии явится не скоро. Степан ещё долго всматривался в темень ночи, где растворилась телега с Марией, и слушал скрип колёс- протяжный и тоскливый.

Звёзды на осеннем хмуром небе блестели яркими светлячками и водили хоровод вокруг полной луны. Голова

Степана шла кругом и внутри её звучали новые мысли,

которые рождались как стрёкот кузнечиков в жаркий летний день в сенокосную пору. Как звонкие удары маленького молоточка по наковаленке, звуки эти слагались в мелодию, стучали в висках и барабанили в ушных перепонках, словно призывали в новый, неведомый поход

по той дороге жизни, которая была предопределена многим
мужчинам и на которую не каждый хотел вступать и где
главным ремеслом являлось умение защищать свою жизнь,
жизнь близких людей и жизнь страны и земли оружием и
где за это нужно было платить кровью своей и чужой.
«Избави бог от войны, как от чумы! Сохрани для жизни
мирной и любви!».
Тридцать лет на земле Европы не было войны. В год
призыва Степана война вспыхнула на вечно тлеющих, в
ожидании военного пожара, землях Балкан- где смешались
расы, языки, религии и интересы малых новоявленных
государств и большие интересы крупных мировых держав.
Степан краем уха слыхал об этом, но не мог раньше

предполагать, что это может коснуться его судьбы и судьбы Марии. Сейчас же родилась мысль: « А, что- если…? Было

ведь такое, что наши солдатушки могилы свои там

оставили». На сердце стало муторно.

****

На призывном пункте в Уфе собрались сотни крепких, в подавляющей своей массе, крестьянских парней, несмело шагавших обнажёнными с медицинскими картами в руках,

которыми прикрывали свой стыд, шагая змейкой от одной группы медиков к другой.

Проверяли строго: смотрели и щупали, заглядывали в рот, спрашивали о болезнях называя их мудрёными словами, которые парни и не слышали и только мотали головой и подтверждали, что кашлять приходилось, и в горле першило и голова кружилась, но это с ног не валило -так это обычное дело. Слушали как сердце бьётся и дышится, спрашивали о травмах. Отбракованных почти не было. Из деревень в армию шёл крепкий розовощёкий народ к двадцати годам успевший и порезвиться, и потрудиться, а кое-кто и ожениться. Хлебушек, картошка и мясо с молоком, да постоянный труд делали своё дело. Привычные с детства к труду в любое время года, обдуваемые тёплыми летом и злыми зимними ветрами, парни быстро втягивались в солдатскую лямку. В матушку-пехоту брали деревенский люд – там мужику было и

привычнее и проще.

Пётр со Степаном на призывном пункте держались друг друга. Стройный, ладно скроенный, высокого роста

светловолосый Степан при осмотре у медиков долго не задерживался. Здоровье так и пёрло из него. Росточком вышел Степан аж в 182 сантиметра. Пётр немного подотстал, чуток не дотянув до Степана. Когда, в итоге, двое: православных, несудимых, неженатых, грамотных, отменно здоровых парней, предстали перед столом комиссии, где председательствовал тучный подполковник, украшенный огромными бакенбардами на широко улыбающимся лице, при виде таких молодцев, одобрительно крякнул.

Худой, как жердь, полковник медицинской службы, из отставных служак, принял медицинскую карточку Степана, глянул через очки выцветшими от времени зрачками на

будущего воина и, внимательно прочтя, сделал своё заключение. Председатель, тщательно рассматривающий Степана, получил документ и, получив одобрительный кивок медика и сигнал глазами сквозь золотое пенсне держащееся на носу, заглянул в анкету и спросил:

– Из переселенцев?

– Так точно, – уже по- военному ответил Степан.

– В гвардию, -коротко отрезал председатель.

(Справка. Призыв в 1911 году по росту распределялся:

более 196 сантиметров – 4
человека,
более 191,5 см -164,
более 173 см -73 376
более 169 см – 115 530
более 164,5 см – 1 117752
более 160 см – 66 040
более 153 см – 3 994.
ниже 153 см не призвались.

По национальному составу в армии к началу Первой мировой войны было:

русских украинцев, белорусов -979 557 человек, поляков – — 104 079 евреев- – 50 237 башкир, татар, тептярей – 38 679

По роду занятий: земледельцев – 770 862 человек мастеровых и ремесленников – 202 449 чернорабочих – 132 523 фабричных и заводских -42 554 чиновников – 24 488 прочих – около 100 000

женатых солдат – 439 229,
разорившихся дворян среди нижних чинов- 5 137,
духовного звания- 2 238,
купцов- 4553,
податные и казаки- 1 242 712.

На 1912 год в армии числилось генералов -1299:

В пехоте 329

в кавалерии 6 6 священников 830.

Не было священников лишь в корпусе жандармов. Одиннадцать генералов имели общее низшее образование. Тринадцать- не имели высшего военного образования.

В пехоте нижних чинов было -814 507,офицеров- 49 610, музыкантов – 16 423, врачей – 8 336, унтер-офицеров-

27 710, строевых рядовых – 1 092 181. Всего в армии

1 332 066. грамотных солдат – 604 737, малограмотных-301 878).

Степан с Петром и ещё десятка два человек были определены в лейб-гвардии Волынский полк, что квартировал в Царстве Польском.

(Справка. В пехотные полки императорской лейб-гвардии был особый отбор. Полков было всего одиннадцать.

Первые полки- Преображенский и Семёновский создал царь Пётр из подростков двух сёл, давших

название"потешным полкам» юного Петра. В

Преображенский полк набирали рослых, светлоглазых блондинов из Западных губерний и по старой традиции- третья, четвертая и пятая рота полка носила бороды. Измайловский полк, возлюбленный императрицами, комплектовали кареглазыми брюнетами из Малороссии и Центральной России. Волынцы набирались из податного населения Казанского военного округа из стройных и широких в плечах, светловолосых призывников с Поволжья и Приуралья.

В память об императоре Павле Первом, охаянном придворными историками и большом любителе военных потех, негласно набирали невысоких, курносых блондинов и веснущатых рыжих рекрутов из Северных губерний. Полк

создал сам Павел и солдаты обликом должны были походить на него).

Через два дня группа будущих волынцев, вместе с

полутора сотнями новобранцев, что отправлялись в Царство Польское, загрузились на вокзале в Уфе и отправились на западные границы Российской империи- прямо под нос германцу. Стриженые и помытые в бане, получив

временное обмундирование, призывники проводили прощальным взглядом вокзал и в теплушках прокатились по всей европейской России. По дороге подцепили вагоны в Симбирске и Самаре с новобранцами с Поволжья и к Москве сформировался эшелон.

Начальник эшелона распределил офицеров и унтер-офицеров к каждому вагону и расписал новобранцев по полкам. К Варшаве двигалась почти тысяча новобранцев. На расспросы любознательных о том- куда путь лежит, следовал ответ: «Куда Макар телят гоняет».

Дорога оказалась долгой. Из теплушек, что возили русское воинство на неудачную японскую войну, видели как позади остались Волга и Днепр и вскоре явились станции с названиями на двух языках. Один из унтеров сообщил, что катят по землям Царства Польского. Для офицеров был отдельный вагон и они в теплушках появлялись крайне редко, оставляя новобранцев на попечении строгих и малоразговорчивых унтеров. «Далече занесло» -думал Степан. Лёжа с Петром на одних нарах, перебирали в своей

памяти и в разговорах свою жизнь деревенскую, слушали разговоры, гуляющие по теплушке, о"прелестях» будущей службы от «знатоков». Заводили разговоры и беседовали с такими же рослыми и крепкими, светловолосыми спутниками. Выяснилось, что многие из них были тоже переселенцами, заполнившими с недавних пор большие пространства Приуралья. Горячую пищу готовили на ходу в хозяйственном вагоне – отдельно для офицеров, отдельно для унтеров и новобранцев. Старослужащие унтер-офицеры

и подпрапорщики постепенно становились разговорчивыми и стали делиться премудростями будущей службы. Вывод был утешительный- не тяжелее чем с батюшкой на пашне. Сноровистому мужику одолеть её проще чем самому хозяйство своё вести. Ежели нет войны-

живёт солдатик на всём готовом. За него командиры должны думать и заботу являть. Будешь исправно команды исполнять, так и будешь жить беззаботно и деньки считать, когда службе конец придёт. Дай бог, чтобы война не явилась, а там работа иная ждёт. Там другой урожай жать придётся и если ты обучен, то и легче выжить и домой не инвалидом явиться. А труд солдатский и уважения и сноровки требует, а это всегда в жизни сгодится. Старослужащий подпрапорщик, участник японской компании, с одной Георгиевской медалью и отметиной на щеке, в кругу притихших внимательных, слушателей, рассуждал:

– Убиваь грех большой, но куда от этого деться, если с тобой тоже сделать хотят. Тут и выбора нет – если только присягу порушить и своих товарищей под монастырь подвести. Страшно ведь не только в первый раз в бой идти. Бесстрашный дурак и в войске не нужен. А кто страх свой одолеть может и головой соображает, а не задним местом, и хитёр и обучен, и товарища не бросит -тот и есть воин. Терпи и трудись, а с ними и к победе явись. Главное же, сынки, знать твёрдо за что смерть принять готов. Вот к примеру, зачем нам тот япошка был, что с ним войну затеяли? Чего мужик с ним не поделил? Может, оно

кому – нибудь и была надобность его поколотить, только не мужику. Присяга присягой, а желание его проучить у солдата и не было. Геройствовали – вон, даже, за подвиг медалью наградили, а вышел конфуз. Другое дело, когда силой идут жизнь твою рушить и землю поганить, и близким твоим смерть несут. Конечно умирать страшно.

Своей волей на смерть идти мало кто готов -это подвиг, а бывает и так, что легче умереть, чем позор по жизни нести.

Главное в науке солдатской – победить, да так, чтоб и самому в живых остаться. Наука-трудная и труд – тяжёлый,

а война наказывает тех кто науку эту не постигнет. Кто в

полк Волынский попадает, тот знать должен, что строгостей там больше чем в других полках. Его и император опекает и

готовиться он не только для парадов. Офицеры три шкуры спустят и семь потов сгонят, чтоб ни в битве, ни на смотре

императора не подвели. Славы и опыта боевого у него

вдосталь, Честь большая в нём служить!

Собравшиеся вокруг новобранцы, поглощая сухой паёк, мотали на ус, у кого он пробивался, и втискивали в память простую проповедь бывалого вояки. В дороге явились и затейники, что дренчали на балалайке и растягивали меха гармони и в конце пути из вагонов неслись бодрые песни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Варшава-столица Царства Польского, вошедшего в

состав России после разгрома Наполеона и Венского конгресса, установившего длительный мир в Европе под покровительством российского императора – победителя Александра Павловича, закрепившего за Российской короной новые земли, удивила широкими, мощёными улицами и площадями в центре. Многочисленные дворцы и замки средневековой архитектуры, католические костёлы и трёх- четырехэтажные, красного кирпича, дома встретились на пути Степана. Он никогда раньше не бывал в большом городе. Уфа показалась ему маленьким провинциальным городком по сравнению со столицей польских королей.

Варшава, когда -то, была центром огромного государства, простиравшегося от Балтийского до Чёрного моря и называвшегося Речью Посполитой. Литовцы и многие славяне входили в состав государства, где правили польские короли, в последние двести лет слабеющие от напора вельможных князей-панов и мятежей разноязыких подданных. Было время, когда польские короли воевали исконно русские земли и сажали своих ставленников на Московское царство и сидели шляхтичи -дворяне в Кремле. В Варшаве зрели планы собрать силой и лестью всех славян и сделать Московию частью своей, самой крупной в Европе империей. Но, кичливая польская знать и шляхта вольно себя чувствовала в стране. Сами избирали и свергали своих королей. Польские магнаты имели свои армии; часть из них были выходцами из Руси и после монгольского нашествия потянулись на Запад и на политической карте явилось Великое княжество Литовское и Русское, где русский язык, наряду с литовским, был государственным и славяне оставались православными. Соединившись с польскими землями, для совместного отпора немецкому натиску на Восток, под главенством польских королей, в Речи Посполитой, польские и литовские магнаты и

шляхта -дворяне стали прибирать украинские (крайние) и белорусские земли, перенося на них крепостнические порядки. Казаки Запорожские много раз поднимали сабли на на шляхту и при Алексее Михайловиче-отце Петра Великого, пришли добровольно в подданство Российское под руку и защиту московского государя.

Начался упадок Польши. Короли стали марионетками в руках Франции, Австрии, Пруссии и России. Польскую независимость, поражённую анархией самовластья знати, внутренними смутами и мечтаниями о величии, прекратили три раздела Польши, произведённые в конце 18 века сильными соседями. Пруссия, Россия и Австрия расширили свои владения. России отошли бывшие земли Руси с белорусским и украинским населением. А после разгрома Наполеона, в армии которого на Москву шли десятки тысяч поляков за обещанной корсиканцем свободой в созданном Герцогстве Варшавском, часть польских земель, под названием – Царство Польское, вошли в состав России. Царством управлял один из братьев императора российского, что сидел в Варшаве. В Польше была русская администрация, русская армия и особая Конституция, дарованная Александром Павловичем, дававшая права автономии. Поляки были на службе в армии и чиновничьих кабинетах, в правительстве. Шляхта дважды поднимала народ на восстания, но безуспешно.

Волынский лейб-гвардии (императорской гвардии) полк и был специально создан для охраны особ императорского дома. Варшава была одним из красивейших городов Европы. В самом центре города, в прекрасном дворце одного из бывших магнатов Мостовских, квартировал полк, куда и определили Степана с Петром и новыми товарищами. Группу новобранцев построили на Варшавском вокзале и провели по мостовой широких улиц города к трёхэтажному зданию с двумя большими флигелями и широким центральным входом, перед которым возвышались четыре колонны в греческом стиле. Русские парни, явившиеся из деревень сре-

динной России из, затерявшихся в полях и лесах, деревянных срубов и пыльных или грязных улиц, на мостовые величественной Варшавы, крутили головами и многие, не видевшие

городов, дивились на всё, что представало перед их широко открытыми глазами. Степан, входя под своды дворца,

кожей своей и сознанием ощутил вхождение в новую жизнь.

Кроме новой одёжки, явилось и новое устройство всей жизни на строгих воинских уставах и традициях службы в элитных частях русской лейб-гвардии. Спрос здесь был строже и надзор жёстче. Об этом их сразу предупредили и при нарушениях и негодности определяли в другие части, что в большом количестве находились на границах в Царстве Польском. Три европейские империи сошлись здесь. Степана с Петром определили в третью роту первого батальона. И попали они в первое отделение. Земляков старались держать вместе. Это, по мнению командования,

должно было содействовать сплочённости воинства. Четыре батальона в мирное время составляли полк. Самый близкий к нижним чинам командир, обычно, назначался из тех, кто нёс сверхсрочную службу и становился кадровым военным, или отличившимися солдатами третьего года службы, выделившимся из общей массы прилежанием и успехами. Взводные командиры, из прапорщиков, как правило, имели военное образование и отвечали за боевую подготовку, воспитание и здоровье своих подопечных. Они проводили с подчинёнными почти всё время и должны были явить, для продвижения по службе, аттестацию по

которой видно бы было, как растут в воинском мастерстве и духовном развитии его подчиненные. К лейб-гвардии было

особое отношение и жесточайший отбор в подборе нужных командных кадров. В Волынском полку, не столичном, и находящемся почти у границы на западном, опасном направлении, готовили не для парадов и празднеств, а для воинских дел. Однако во всей русской армии знали, что в полку, где шефом был сам император, с давнишних пор утвердилась жесточайшая дисциплина и строгое следование уставу, а офицеры из кожи лезли, чтобы сделать свой полк образцовым. От этого зависело продвижение по службе.

Полк был кузницей кадров для всей армии. Лучших солдат

сверхсрочников отправляли по другим полкам и государь —

император Николай легко узнавал подшефных волынцев в других полках, куда их направляли как образцовых солдат по выправке и расторопности и это тешило его самолюбие. Эта особенность чувствовалось с первых часов пребывания в казарме-дворце.

Командиром взвода был определен барон Тизенгаузен из прижившихся на русской службе немцев. В нём была та военная косточка, что закладывается долгим служением целой династии. Окончив военное училище и имея гимназическое образование, потомок древней династии, должен был ещё отвечать за приобщение к традициям полка и его славной истории. Молод, умён, красив, строен – всё при нём.

Командир роты на первом построении новобранцев в составе роты на плацу, подходя к каждому и знакомясь с новичками, сразу указывал им приставленных к ним двух учителей из старослужащих из отделения в котором предстояло начинать осваивать воинскую науку. Один

полагался для помощи и контроле на занятиях, а другой следил за поведением солдата в свободное время. Старались

чтобы в наставники попадали земляки, но это было затруднительно. Степану в наставники определили двух ефрейторов – старших солдат, третьего года службы. По военному делу определили Егора Петрова из Уфимской губернии. Перед строем объявили, что через неделю, все вновь прибывшие, предстанут перед командиром полка -генерал-майором от инфантерии Александром Фёдоровичем Турбиным. Это время ушло на то, чтобы подготовить новобранцев занимать место в строю и исполнять простые приёмы, дружно вливаясь в общий хор, отвечая

на приветствия, и иметь бравый вид в подогнанной по росту одежде. В период подготовки, до принятия присяги, предполагались в индивидуальных занятиях физических и по строевой подготовке, гимнастике и фехтовании с оружием, добиться чёткости исполнения приёмов строя и управления телом.

Егор на совесть и толково делал своё дело и сошёлся с учеником, толковым и понятливым. В ушах и во сне звучали строевые команды: «Равняйсь! Шагом -арш!» Ноги, печатавшие строевой шаг по брусчатке, болели и крепкие парни к отбою валились с ног и быстро засыпали -кто мертвецким, кто беспокойным сном, чтобы опять несколько часов, на другой день, греметь по мостовой. Кормили, как быков перед убоем. Аппетит был зверский. В лейб-гвардии выделяли и дополнительное довольствие на мясо, чай и сахар. Весь лишний вес улетучился, как облака при сильном ветре. Мышцы крепли, тела распрямлялись и фигуры стройнели. Унифицированная форма плотно облегала фигуры, а парадная из коптёрки каптенармуса примерялась на новых владельцах и шилась в мастерской, для того, на кого не было подходящего размера. Дальше отрабатывались действия в строю поротно, побатальонно и в составе полка. Для выработки ловкости и силы использовались игры и состязания. Несколько малограмотных дополнительно получали уроки. Усиленно, с утра до вечера, готовились к

принятию присяги, которая должна была состоятся в день полкового праздника, который приходился на 12 декабря в день преподобного Спиридона-епископа Тримифунтского и покровителя небесного полка Волынского. Драли глотку, исполняя полковую песню, написанную в честь столетнего юбилея старшинства полка, который вёл свое начало с 1806 года. Отвечающие за своего подопечного"дядьки» не давали покою, пока не убеждались, что дело идёт на лад. Голоса новобранцев вливались в дружный хор. На вечерней строевой прогулке волынцы давали сигнал всей округе к отбою. Что будет в городе когда на праздник полк пойдёт парадным строем? Задрожит земля под тяжёлыми коваными сапогами, заколышутся деревья и зазвенят стёкла от воздуха выдуваемого оркестром и лёгкими воинства. Подожмут хвосты собаки и на галоп перейдут лошади.

По царскому слову на север далёкий
Волынский наш полк боевой
Послал свою роту с Финляндцами вместе
Справлять юбилей вековой.
Вагоны нас быстро в столицу примчали,
По улицам долго мы шли,
Измайловцы маршем родным нас встречали,
Финляндцы хлеб-соль поднесли.
Волынцы одним лишь желанье сгорали
Скорее увидеть Царя
И вот мы пред царские очи предстали
В двенадцатый день декабря.
Царь вышел наследника на руки взявши
И с ним обошёл все ряды.
Заздравную чашу высоко поднявши
«Спасибо», сказал,«молодцы».
Тот царский приём, эту царскую ласку
Навеки в сердцах сохраним.
Про царский приём, как про дивную сказку
Мы внукам расскажем своим.
Мы новое знамя взамен получили
За старое знамя побед,
Чтоб новому знамени верно служили

И помнили предков завет.

Каждый вечер варшавские обыватели слышали эту песню, если полк не был в летних лагерях на учениях или на военных манёврах в поле. Усиленно новобранцам излагали славную историю полка. Взводный командир Тизенгаузен на этом деле набил руку и язык и, имея интерес к истории и за дополнительную плату, излагал её вдохновенно и интересно, заражая своих слушателей. Заставлял

слушателей делать короткие записи, чтобы остудить свой пыл и развивать у своих слушателей навыки письма, как он говаривал, чтобы домой письма грамотно писали и любимых радовали. Новые слова и имена он записывал на доске, подчеркивая их значимость. Каждое занятие «учитель истории» проверял память учащихся и, у кого она была слабой, то было указание «дядьке» заняться с отстающим, чтобы «мозги не усохли».

Деревенские увальни быстро превращались в прилежных учеников. Нерадивых принуждали словом и нарядом на работы. Ответственные за воспитание не только требовали послушания, но и отучал от сквернословия и дурных привычек, направлял усилия на зазубривание уставов и чтение нужных книг. Так нога в ногу шло обучение и воспитание элиты русской армии. Покой наступал лишь на время сна. Письма писать домой первое время не удавалось, да и что писать: «Служу!»

Степану всё давалось без больших усилий. К чтению и крепкой памяти его мать и школьный учитель приучил. К порядку и послушанию ещё отец путь указывал. Привычек дурных в семье не водилось. Чарку водки в неделю и чарку вина в день, положенные в лейб-гвардии по военному довольствию, отменили после Японской войны.

(Справка. Довольствие нижних чинов. Денежное жалованье в год при среднемесячной зарплата рабочего в 43 рубля:

рядовому чину в армии 11 рублей, в гвардии 20 рублей,

старшему офицеру и подпрапорщику 83 рубля,

нижнему чину на сверхсрочной службе 335—485 рублей в год – можно семью содержать.

При наличии работы в свободное время по хозяйственным нуждам полагалась зарплата.

За участие в смотрах и парадах полагалась надбавка.

За похвальные поступки единовременное пособие.

Семейным, выделялись квартирные деньги.

Горячая пища 3—2 раза в день плюс сухой паёк в учениях и походах. Обязательны щи и каша.

Ежедневно на солдата отпускалось 1230 граммов хлеба или 800 граммов сухарей, 205 граммов крупы, полфунта мяса.

В гвардии на день отпускалось 307 граммов мяса двух сортов. На овощи, масло, сало, пшеничную муку, перец, соль и сахар на руки выдавали приварочные деньги. Имели возможность солдаты вскладчину или индивидуально готовить себе и сами. Во время войны деньги

увеличивались, давая простор для интендантов и

расхищений если не вести контроль. До 1908

года было для всех и винное довольствие на время учений и сборов- три чарки в неделю. В военное время довольствие полагалось и членам семей ратников, солдат и унтер-офицеров. На одного члена семьи полагалось в месяц 28

килограммов ржаной или пшеничной муки,4 килограмма крупы, соли 1 600 грамм, масло растительное 409,6 грамм.

Обучение солдат делилось на зимний и летний период и делилось на несколько этапов. На первом этапе, длившемся

четыре месяца постигались основы воинской науки -программа молодого солдата. Индивидуальное, одиночное обучение включало: строевую и физическую подготовку, огневой и рукопашный бой, несение караульной службы и дозор, полевой караул, действия наблюда-

теля и связного. Методом обучения были – показ и беседа. Главное, в деле воспитания – преданность царю и долгу, выработку

дисциплины и стойкости в перенесении тягот и опасностей.

Из всех полков русской гвардии волынцы славились и образцовым внешним видом и выправкой и исполнением всех воинских приёмов и команд. Император Николай, будучи шефом полка, гордился этим и всегда мог отличить волынца по маршировке и ружейным приёмам. Твёрдый парадный шаг, идеальное равнение, когда тонкие чёрточки штыков при маршировке были совершенно неподвижны. Железная дисциплина и исполнительность врабатывались жесточайшими мерами.

Степана удивляло и возмущало когда он видел как

проштрафившиеся ходили гусиным шагом, бегали вокруг

конюшни с фуражками, котелками, портянками и сапогами в зубах и при этом умудряются вопить: « Я – дурак!»

Когда у своего дядьки Степан спросил отчего такие чудачества – тот объяснил, что такими «зверствами»

добиваются выработки инстинкта исполнения приказа- не раздумывая. Этот инстинкт в бою подавляет инстинкт самосохранения, подавляет трусость. Позднее в жестоких боях Степан убедился в этой жестокой правоте. Враг, видевший на обшлагах гимнастёрок жёлтую тесьму третьей дивизии и тёмно – зелёную Волынского полка знали что это «железные солдаты», которые исполнят любой приказ.

Занятиями руководил и проводил ротный командир, который должен был знать каждого своего бойца. На период зимних занятий ротный выбирал"учителей молодых солдат» из числа унтер-офицеров или старослужащих, из расчёта- один на 6—10 человек. «Дядька» должен был обладать многими качествами: спокойствием,

беспристрастием, разумной требовательностью,

добросердечностью, бескорыстием и наблюдательностью. «Учителям» молодых солдат предстояло заменять родителя и следить, чтобы подопечный был: весел, бодр, здоров, не имел дурных привычек и получал всё положенное довольствие. Ротный командир замечал и усердие Степана, внимательно присматривался к нему и как-то подозвал и похвалил, спросив – не из староверов ли он.

– Отец старой веры придерживается и сам меня крестил

и воспитывал, а я в верах не знаток, крепко об этом не думал, – чистосердечно сказал Степан.

– Служи верой и правдой, присягу чти- она тебе теперь указ.

Степан быстро усваивал премудрости гимнастики и строя и втягивался без натуги в физическую работу. Слушая лекции-беседы по истории полка проникся чувством гордости за геройские деяния совершённые поколениями волынцев, старался побольше успеть записать главное из сказанного. Заметив такое усердного слушателя, который карандашом строчил в тетради, Тизенгаузен в перерыве одной из лекций подошёл к одиноко стоящему в стороне и некурящему Степану и завёл разговор, обратившись к нему по имени, вместо привычного-«рядовой Драбков»:

– Степан, я заметил твой интерес и позволь дать совет. Ты не торопись писать, не думай, что я самый большой знаток. Советую тебе в библиотеку полковую записаться. Там жена нашего ротного работает и любознательных читателей,

особенно приветствует. И если есть желание и время, она подберёт книги и по делу военному, и по истории. Да и в житейских делах она советчик. У тебя то девушка есть? У нас во взводе половина женатых.

Степан смутился, но ответил:

– Имеется.

– Тогда, тем более, чтением займись, много полезного узнать успеешь и время службы быстрее пролетит. Зимой праздников много и время свободное есть, а летом в лагерях недосуг будет.

Степан удивился этому разговору- барон мужику- не ровня.

Совет пришёлся впору. Степан стал редким новобранцем-рядовым, кто зачастил в библиотеку, наряду со старожилами полка и офицерами. Симпатичная, с высокой аккуратной причёской, в белоснежной идеально отглаженной блузке с кружевным воротничком и широкой чёрной до пола юбке, улыбающаяся всем читателям, которых величала только по имени отчеству, для чего заглядывала в формуляр и всегда была в хорошем настроении и расположенной к разговору. Из общения было видно, что Вера Фёдоровна (так все называли среднего возраста симпатичную полковую даму) пользуется

уважением всех читателей. Никто не пытался вызвать расположение хранителя книг, зная ревнивый характер её супруга, который по молодости стрелялся из за неё на пистолетах, но избежал исключения из армии. Верочка, как называли её все принятые в круг полковых дам, была душой женского общества. В это общество офицерское собрание не допускало сплетниц и разлучниц. Оно устраивало спектакли для военнослужащих и русских жителей Варшавы. Пьесы Чехова и Толстого вместе с новомодными драматургами ставились в стенах дворца где квартировал полк. Актёры-любители искали себе славу на подмостках у своих сослуживцев. Степан писал письма на адрес Марии и в одном конверте отсылал два послания -лично Марии и своим родным, с расчётом, что это будет помогать крепнуть связи двух семейств. Писал коротко, слов открывающих его чувства не находил и внимательная, разговорчивая и многое примечающая, умеющая

проникнуть в любую тайну, Вера Фёдоровна, заметив затруднения молодого человека, который, сидя в библиотеке, долго мучился над очередным посланием своей

любимой, тихо подошла к нему. Ей приглянулся красивый и статный, любознательный, не по возрасту рассудительный

солдат, державшийся скромно и замкнуто. Ей даже показа- лось, что он стесняется, когда на него обращают внимание в

библиотеке девицы и женщины и старшие офицеры. Вера

Фёдоровна втянула Степана в разговор, узнав, в том числе, и о делах домашних. Откровенный и добродушный парень

подвинул её к стремлению помочь парню в духовном росте.

Помимо запрашиваемой литературы по военному делу и истории, стала рекомендовать ненавязчиво рассказы и повести и довела к концу срока близкого к окончанию службы до романов. Самое большое впечатление

на Степана произвёл роман артиллерийского офицера и графа Льва Толстого «Война и мир» и его рассказы о войне.

Роман одолел за три месяц, читая урывками и взахлёб, с нетерпением ожидая каждой встречи с книгой. От этого

самообразования письма Марии, стали длиннее и радушнее. Марию же порой охватывало сомнение -«Откуда Степан таких слов набрался? Уж не завёл он какую мамзель?» В смятение чувств пришла Мария и от поздравительной открытки на Рождество, где польская красавица дарила широкую улыбку всем почитателям Христа. Мария в ответных письмах извещала о делах семейных и деревенских. От себя коротко-«Жду». Как то Вера

Фёдоровна разговорившись со Степаном о домашних делах

и выпытав, что его ожидает в деревне невеста, осмелилась дать совет:

– Вы, если в увольнение почаще ходить будете, можете на польских мамзелей засмотреться, так знайте -они за

вашим братом симпатичным, особенно из нашего полка охоту настоящую по весне и летом устраивают. Знают проныры, что русский мужик семьянин хороший, не то, что

польские городские щёголи и липнут на статных гвардейцев как мухи на мёд. Зазнобе своей почаще пишите, девушке тяжелее милого ждать, чем воину службу нести.

Славный путь Волынского полка, ставшего ему родным из рассказов и лекций «учителя истории» барона

Тизенгаузена, обрастали фактами и примерами из книг, заставлявшими гордиться славными ратными делами. До ушей новобранцев довели, что первым шефом и создателем полка был цесаревич Константин Павлович, которого отец готовил к службе военной и послал в Альпийский поход с самим Суворовым. Константин должен был принять престол, но женился по любви на полячке не королевских

кровей и по настоянию семьи отказался от трона в пользу младшего Николая. В войне с Наполеонам он с армией до-

шёл до Парижа и от императора Александра Павловича получил в управление беспокойное Царство Польское, что стало частью Российской империи в период ее наивысшего могущества, когда она стала освободителем Европы от корсиканского тирана и её устроителем, возвращая троны свергнутым Наполеоном королям. С 1879 года шефом полка является ныне здравствующий император Николай Второй, а в первой роте полка числится его единственный сын и наследник Алексей, с момента его рождения в 1904 году.

Существование своё полк ведет с 12 декабря 1806 года, когда членами императорской семьи, под контролем

цесаревича Константина Павловича, был сформирован из крестьян удельных, числившихся за императорским домом, отряд милиции, получивший боевое крещение при взятии в Пруссии города Гуштадт во время войны с Наполеоном в союзе с Австрией.

За боевые заслуги под Фридландом в 1807 году причислен к гвардии и стал зваться Финляндским. Участвовали финляндцы и в Бородинком сражении и в «Битве народов» под Лейпцигом. За Бородинское сражение полк не имел себе равных по награде Георгиевскими крестами. Перед Бородинской битвой в полку числилось 50 обер – офицеров, 54 унтер-офицера, 1650 рядовых и 60 музыкантов. В разгар боя Барклай де Толли двинул полк вперёд у деревни Семёновка, где произвёл ряд атак и выдержал натиск тяжёлой элитной французской кавалерии и отбил атаку вестфальцев -пруссаков, сорвав последнюю попытку Наполеона сбить русские войска с позиций и, оставив на поле боя 56 человек убитыми,331 ранеными и 62 пропавшими без вести. В боях под Малоярославцем полк добавил новой славы, а в бою под селом Княжное уничтожил колонну французов в 1200 человек, в селе Добра выдержал вместе с Егерским полком атаку конных железных кирасир, захватил 350 пленных и весь обоз лучшего французского маршала Даву вместе с маршальским жезлом. В заграничном походе у французской деревни Гасса часть батальона была прижата французами к каменной, где рядовой Леонтий Коренной, с горсткой товарищей, перед толпой неприятеля помог офицерам и раненым укрыться и уйти и, когда остался один, отбивался штыком и прикладом, пока не упал, получив 18 ранений. Потрясённые мужеством российского богатыря, французы отправили Леонтия в госпиталь и, по излечении, с почётом отправили к своим. Когда Степан слушал этот рассказ, он представлял себя на месте героя и в его сознании складывалась картина боя, как в немом кино с которым он познакомился только в армии. 19 марта 1814 года полк, вместе с императором, вступил в Париж, где пользовался благосклонностью парижанок. В том же году первый батальон Финляндского полка, созданный на основе милицейского отряда Константином Павловичем, был

отмечен высшей наградой- Георгиевским знаменем и серебряными трубами с гравировкой «В вознаграждение отличных в храбрости и мужества, оказанных в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 г.» Батальон был оставлен в Варшаве и пополнен излечившимися ране-

ными. 12 октября 1817 года был на основе этого батальона финляндцев сформирован полк для охраны управляющего Царством

Польским, своего создателя- великого князя Константина. Волынцы оказались единственным лейб-гвардии полком участником Крымской войны, сбросив в воды Балтийского моря английский десант у деревни Макеляке под Выборгом и защитив столицу от угрозы. За этот подвиг нижние чины полка получили невиданную для других награду -офицерский Орден Святого Георгия. Неувядаемой славой покрыл себя полк в освобождении Болгарии в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В поход полк отправился со своей церковью и всеми священниками. Гора в Болгарии у деревни Тарнин названа Волынской. На глазах императора полк участвовал в штурме сильнейшей крепости на Балканах- Плевна. 19 декабря 1877 года при Ташкисене в снегу под огнём противника волынцы заняли ключевую очку обороны противника. Генерал Маркович – командир полка был ранен в шею, награжден Георгием и стал известен всей Болгарии. В последнем бою под древним Филипполем, полк геройски выбил турок с занимаемых позиций. До Константинополя оставался один шаг, когда Англия пригрозила России, большой европейской войной.

Бесчисленные жертвы россиян на Балканах принесли освобождение болгарам и вызвали недовольство Россией-защитницей славян, со стороны европейских держав. Благодарная Болгарская церковь подарила волынцам святую икону из оставшегося у турок Константинополя.

Из рассказов командира взвода и книг и газет, читанных в библиотеке, волынцы представлялись Степану былинными богатырями- неустрашимыми и стойкими в бою.. В начале декабря, во время послеобеденного отдыха, взводный командир подошёл к Степану и передал приказ явиться к командиру полка. На немой вопрос -«Зачем?» -ответ не получил. С непривычной дрожью в коленях и холодком в груди, с мощёной мостовой, присыпанной снегом, вошёл, через парадный вход, по невысокой мраморной лестнице, на первый этаж дворца, где находилась канцелярия, к которой вёл длинный алый ковёр. Степан глянул на сапоги, отряхнул плечи шинели, хотя ни снега ни дождя не шло, поправил на голове фуражку. потоптался у дверей, с начищенными до блеска медными ручками. Непривычная робость овладела им. «Что такое случилось, что сам гене-

рал вызвал его? Почему ни взводный, ни ротный командир не предупредили в чём я повинен?» Степан знал, что для рядовых дверь эта открывалась только в крайних случаях. Опытный служака и малоразговорчивый генерал Турбин, который раза два посетил занятия, до разговоров с рядовыми не доходил и не вмешивался открыто в действия подчинённых офицеров. Два года как командует полком и пользуется у солдат репутацией толкового начальника, не замеченного в излишней строгости, но не допускающий и панибратства с рядовыми солдатами, которым он казался недоступным. С крыльца и из окошка он часто наблюдал за строевыми упражнениями и почти каждое утро появлялся

на утренних построениях и разводах на занятия. Старая солдатская мудрость-«Подальше от начальства -поближе к кухне» работала и в лейб-гвардии полках. Глянул на сверкающую медную табличку с гравировкой -«Командир лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор Турбин Александр Фёдорович». Вздохнул – выдохнул и открыл тяжёлую дверь. Доложился в приёмной штабс-капитану, с аксельбантами через плечо, глянувшего на Степана и вставшему навстречу:

– Рядовой первой роты Драбков прибыл.

Капитан подошёл к двери в кабинет, по ходу успокоив Степана:

– Проходи, голубчик, Александр Фёдорович тебя ждёт.

«За что ж такая честь?» – мелькнуло в голове Степана. Уже смелее Степан шагнул в кабинет. Напротив, за широким

массивным столом с серебряным прибором для письма и настольной электрической лампой, сидел генерал. Так близко командира полка Степан ещё не видел. Обычное мужицкое

лицо с усами и короткой бородкой, в генеральском облачении, выглядело солидно и походил он на отца Степана. Не досчитав трех шагов до стола, Степан чётко доложился о своем прибытии, как учили по уставам и услышал то чего не ожидал:

– Садись, Драбков Степан Фёдорович.

Раньше Степан видел только стоявших навытяжку перед

генералом и старших офицеров и рядовых и растерялся от неожиданного обращения, которое не звучало как приказ.

На столе лежали бумаги раскрытые и, видимо, запрошенные к его приходу. Степан сел на самый дальний массивный мягкий стул, не зная куда деть руки… наконец, устроил их на коленях. Генерал ещё раз заглянул в бумаги, внимательным,

оценивающим взглядом прошёлся по складной фигуре и открытому, чистому лицу новобранца и сказал:

– И ротный и батальонный командиры рекомендуют

тебя с лучшей стороны и предложили мне тебя на полковом торжестве при принятии присяги от новобранцев присягу

зачитать. Согласия твоего не требуется, в армии приказом руководствоваться должно, а тебя твой взводный, а он

большой знаток в этом деле, определил в лучшие

кандидаты на эту роль. Тебя я к батюшке полковому отправлю. Он всё до совершенства доведёт. Ты уж, брат, своих командиров и товарищей не подведи и исполни мой приказ. Если что потребуется, не бойся, обращайся ко взводному, чтоб оплошки не было. Я на этот случай не тебя одного в кандидатах числю, но полагаю, что ты по всем статьям подходишь! Ступай с богом к батюшке. Исполняй приказ.

Степан встал и отдал честь: – Есть! – повернулся, тремя строевыми шагами достиг двери и, покинув приёмную,

ужаснулся от той мысли, что пронзила его: «Как к батюшке идти, если меня не в церкви батюшка крестил, а отец крестик повесил и матушка молитвой освятила? Вернуться назад? …Нет! Приказ есть приказ. Кто поможет? Опустив голову, Степан несколько минут посидел на скамейке в сквере у дворца и решился поговорить о своем несчастье с батюшкой Никоном: « Как решит -тому и быть, не я один у него.» Отец Никон, с большой осанистой бородой и

басовитым голосом, с длинной, чёрной с проседью

шевелюрой до плеч, крепкий и плотный в свои немолодые годы находился большей частью в полковой часовне, что находилась за казармой у строевого плаца. Полковая церковь находилась в Санкт- Петербурге. Степан, зайдя в часовню, снял фуражку и, как обычно делал дома, перекрестился двумя перстами. Священник, взглянув на Степана из под бровей и, видя его замешательство, отметив его крестоположение, повёл бровями, но

пригласил Степана присесть. Ещё раз, окинув стриженого новобранца оценивающим взглядом, священник спросил:

– С чем, служивый, пришел к богу и кем крещён?

– Прости, батюшка, отцом крещён, а веры православной.

Раньше Степан никогда не задумывался о вопросах веры. Жизнь текла сама по себе, по заведённым исстари порядкам и не располагала к сложным вопросам жития. То, что говорил отец было ясно и понятно. Тёмная икона на божнице представлялась как необходимая вещь в доме и- не более. Теперь же вопрос о вере взволновал его сознание.

– Приказ получил, а смелости не имел отказать, да и не сообразил вовремя.

– Что за приказ?

– Присягу читать перед строем за всех вновь прибывших и впросак попал… не знаю как быть теперь.

– Да, задал ты мне задачу? Крепко ли в бога веруешь?

– Заповеди библейские не нарушал, батюшка за всякую мелочь пакостную строго отчитывал и с малых лет почитать и бога и людей учил, а матушка молитвам обучала и старые книги читать заставляла.

– Скажи мне, православный, как тебя величают?

– Степаном назван.

– А, по батюшке, как?

– Фёдоровичем.

– И какого же ты роду -племени?

– Мы с Черниговщины, что в Малороссии, переселенцы на Урал, крестьянствуем там седьмой год.

– Значит родителей почитаешь. Отец службу царскую исполнял?

– Да.

– И ты царя чтишь и на службу явился добровольно?

Веру защищать готов? Водку не пьешь и баловства не любишь… так что ли? Степан исправно кивал головой.

– Так точно, батюшка.

– И что же нам теперь делать?…Если тебя командиры выбрали, то это их оплошка, а тебе подводить их негоже. Они недоглядели, а мы промашки исправить должны.

– Никак нет, я виноват, батюшка.

– Не вини себя, сын божий. Все мы под одним богом ходим и веру ту имеем, что равноапостольный Владимир Святой нам от греков принёс. Раз тебя царь на службу принял, то значит верит тебе. В армии нашей и мусульмане служат, а взводный твой веры лютеранской придерживается и все царю присягают, а бог разберёт кого отличить. Я и сам службу нёс и на войне бывал, и в священники явился, насмотревшись на весь ужас, что война несёт. И магометанин, и латинянин, и православный и всякий иной одному творцу молятся. Да и у нехристей такая же кровь и чувства с разумом, что и у нас. Всяк на земле своё счастье ищет, да не всякому найти его удаётся. Смерть в бою за отечество, за жену и детишек, за товарищей -великая честь и богом оценена будет. У мусульман, кто за веру гибнет, прямым ходом в рай отправляется. Много воинов отменных среди них и царь в этом их отмечает. Кто верит Магомету пять раз в день и на войне аллаха в помощь себе призывают. Всем страшно умирать. А что люди меж собой разругались не господь виноват, а праведник Ной, что от своих трех сынов: Иафета, Хама и Сима, человечество размножил и они разными путями бога искали, да не каждый до него доходит. Я нагляделся на смерти и тысячи убиенных отпел, что Азию воевали, братьев по вере от султана освобождали и с японцем бились и не было возможности у каждого спросить, как они крестятся. А там и язычники были и студенты бога отвергающие. Для меня все они люди, что должны быть с честью упокоенными. Грех- это не дать успокоиться их духу, а куда он отлетит одному богу и известно. Так что не печалься.

Калмыки, башкиры и татары Наполеона из России изгоняли. Родина у нас одна, бог один. Никто его не зрил, кроме святых. Тебе Степан перед знаменем присягу приносить и знамя приложить к губам и встать на колено. Бог всякий малый грех простит – он милостив. Страшно умирать- кто в бога не верует, стыдно умирать- кто присягу рушит. Я с командирами всегда договорюсь, а ты по вечерам ко мне являйся, взводный твой о том предупреждён и тебе помочь обязан. Приказы в армии не обсуждают – умный он или глупый, а строго исполняют. А за глупый приказ, глупый начальник ответ держать должен. В тебя я верить хочу, что командиры не ошиблись. У меня глаз намётанный. Не дай моей вере рухнуть. Крепись в вере сам, а бог разберёт -кто у нас святой, а кто- грешный. Говорили мне, что ты смышлён, память крепкая, голос твёрдый, в чтении горазд. А что старые книги читал и молитвы- так это даже лучше. Читать будет легче текст присяги. Вот возьми, я приготовил

текст на досуге и мне отчёт давай. Да и в душу твою мне интерес заглянуть есть. Случись беда, надо знать на кого положиться можно. Ступай с богом. Жду!

Степан с облегчённым сердцем вышел из часовни и лёгким, скорым шагом пошёл к казарме.

К полковому празднику и присяге готовились все тщательно. Новобранцы, чтобы предстать в лучшем виде в строю среди старожилов полка. Командиры отчитывались за свою работу на смотре и старались отыскать тех кто мог подвести на параде и своевременно отправить их в наряд на работы. Жены офицеров, вместе с мужьями, готовились к торжественному приёму, званому обеду и вечернему балу. Холостые тоже могли явиться и под пристальными взглядами мужей полковых дам на время побыть

галантными кавалерами (не зря же они постигали эту науку в учебных заведениях вместе с математикой и фехтованием,

как было заведено Александром Вторым при проведении военной реформы сильно переменившей многие стороны

русской армии). Степан несколько раз продемонстрировал отцу Никону умение читать громко и чётко длинный текст присяги. К парадной форме явились отличительные знаки. На чёрной бескозырке, на ленте, опоясывающей её золотой

лентой выделялась надпись"За Ташкесен 19 декабря 1877г.» За несколько дней до полкового праздника прибыл из Петербурга, с Монетного двора, новый знак полка, что был утверждён императором 7 декабря 1911 года. Первым с ним ознакомился командир полка и остался доволен. На праздник этот знак должен был торжественно вручаться всем присягнувшим шефу полка и Всероссийскому самодержавному императору. Золотой ополченский крест с

киверным гербом, времён основания полка, с серебряным всадником и гербом Волыни (серебряный крест на красном щите и надписью- «За веру, царя и Отечество») должен был украсить грудь гвардейцев и явиться с новым знаменем. На шёлке был вышит золотой крест; четыре угла были вышиты четырьмя гербами. В центре находился вензель Николая Второго с короной. С другой стороны был изображен Иисус с надписью-«С нами Бог». Офицеры полка, по традиции, все носили усы. У одних они были лихо закручены наверх как у императора и для большего форсу наверху закручены в нафабренное колечко чтобы не терять форму. Два или три офицера солидного возраста носили большие бакенбарды как у Александра Второго. Именно в его время они начинали свою службу, а ныне ещё отрастили длинные окладистые бороды и распушили усы. Офицеры среднего поколения были бородаты. Солдаты-старослужащие, в большинстве, по традиции, отпускали усы. Новобранцы в основе были гладко бриты и со времен Петра Великого коротко стрижены в гигиенических целях, чтобы вшам негде было на теле убежища искать. Офицеры, в парадной форме с аксельбантами и шитыми золотом стоячими

воротами и обшлагами рукавов, за несколько дней до праздника проверяли её, цепляли награды, так, чтобы они размещались по центру груди, чистили пуговицы и погоны. Для вечерних мероприятий доставали из тайников гардероба бережно хранимую форму старых образцов, что удивляла роскошью и шилась на деньги отпускаемые казной. Все это великолепие: аксельбанты, эполеты, золотое шитьё, ремни и портупеи, ткани самого высокого качества, не имеющие износу, обходились казне в копеечку, но видно, не сильно волновали казну. Ни одна армия мира не могла сравниться выправкой с русской лейб – гвардией. А эти большие деньги извлекались добровольно у людей за счёт монополии государства на алкоголь. Со времён

потешных игр Петра Великого, русские императоры и императрицы холили и лелеяли самую большую в Европе армию, а особенно гвардию, а ещё больше- императорскую лейб-гвардию, как опору трона и государства. У нижних чинов Волынского полка парадная форма была чёрного сукна из плотной ткани. Русско-японская война серьёзно ударила по такому роскоше-

ству и рядовым чинам парадную форму отменили, да и офицеры стали поскромнее. По праздникам, для представлений, из старых полковых запасов доставали соответствующий реквизит.

Приставленные к новобранцам «дядьки» гоняли их нещадно, проверяя десятки раз исполнение всего того, что два года назад было предусмотрено и для них. Нервы были натянуты. Не дай бог кому-либо обмишуриться на полковом празднике! Вспоминать будут целый год и продвинуться к наградам будет затруднительно.

С утра 12 декабря, после двухкилометровой пробежки и гимнастики на свежем морозце, с непокрытой головой и без

пояса, умывания и уборки постели (лейб-гвардейцы спали на отдельных койках) прошёл утренний осмотр и завтрак.

Подходило время принятия присяги. В громадном зале дворца, предназначенного век назад для приёмов и балов великопольской знати, в полдень, должно было состояться торжество посвящения в солдаты -воинское звание, которое объединяло всех – от рядового до генералиссимуса, то есть в воина – защитника отечества. Забылось, что, когда-то, в средние века, словом этим обозначали нанятых на военную службу за деньги наёмников (сольдо -итальянская мелкая монета). Пётр Великий – реформатор армии и создатель флота, многое заимствовал из Европы. Многое оказалось

дельным, а был от этих нововведений и урон (завёл, к примеру, в армии табака курение). Иностранные наёмные

офицеры, воинские звания, мундиры, команды, названия,

уставы явились и расцвели при первом императоре, что стал теснить Европу и явил огромную Россию на европейскую политическую арену, где её никто не ждал. Сам службу начинал с рядового барабанщика в «потешном полку», набранном из мужицких детей двух сёл, давших названия его первым гвардейским полкам. Любимый им, швейцарец Лефорт, обучал его строю. На флоте великовозрастный царь начал с юнги под строгим взглядом доморощенного адмирала Апраксина и ставил себя в пример другим, когда по приказу адмирала подносил ему рюмку водки.

Экзамен на артиллерийского офицера за рубежом сдавал. До генерала дослужился лишь после Полтавской битвы, где

самолично в бой вёл дивизию. Награду высшую получил за дерзкий подвиг в морской баталии, когда на двух шлюпках

шведский корабль пленили и шведы флаг спустили. В Морском регламенте по русскому флоту установил кораблям российским неукоснительно исполняемый с тех пор закон: «Перед неприятелем флага не спускать». Воинская часть, утерявшая своё знамя из списка войск исключалась. В Русско-японскую войну крейсер «Варяг», борясь против эскадры японских кораблей, не имея уже возможности сопротивляться, открыл кингстоны и с поднятым флагом лёг на дно. Японский император отметил капитана Руднева высшим знаком отличия страны самураев. В русской армии строевой песней стала, написанная немцем, песня «Варяг»:

«Наверх вы, товарищи,
Все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»
Пощады никто не желает.

Степана бросало в дрожь, когда он, предупрежденный и отрепетировавший своё предназначение на торжестве, стоял

в строю новобранцев правофланговым в первой шеренге. На стене, напротив шеренги, висел огромный портрет императора, изображавший его в полный рост в парадном мундире шефа полка. Под портретом стояло и высокое начальство. Ровно в десять часов утра в зале зазвучал голос трубы, посылающий под свод зала сигнал: «Слушайте все!» С окончанием сиг-

нала всякое движение прекратилось и наступила звенящая тишина. Распорядитель-заместитель командира полка, подал команды: – Смирно! На знамя равняйсь! Полковое знамя внести! Под барабанную дробь, солдат сверхсрочник: в белой гимнастёрке и белой фуражке, светловолосый и светлолицый, с двумя крестами на груди и четырьмя медалями, саблей на левом боку, двумя отличительными знаками полка, в белых перчатках, особой поступью внёс знамя. Чёрный шнур, охватывающий шею и соединённый с серединой древка, давал возможность держать знамя на весу, склонив вперёд. За знаменем следовал ассистент из унтер-офицеров: в белом мундире с двумя рядами пуговиц на обшлаге, с аксельбантом на левом плече, в белой фуражке и белых перчатках. Начищенные сапоги и лакированный козырёк фуражки отражали

слабый свет зимнего солнца. Четыре знака отличия полка на левой стороне груди две медали и орденский знак украшали

гиганта на голову переросшего знаменосца. Фигурой и загорелым лицом, с подкрученными вверх усами, он напоминал знаменитого борца Ивана Поддубного, чьи открытки продавали на улицах Варшавы, где он укладывал на ковёр всех местных и зарубежных знаменитостей французской борьбы. Афиша с портретом сильнейшего в мире борца» -чемпиона чемпионов», висела недалеко от казарм. Русский силач покорил и Берлин и Париж. В казарме у солдат были открытки с его изображением;

какая-никакая, а связь с родиной. Большой портрет

чемпиона висел и в зале для фехтования и гимнастики. Сейчас же в зал вошёл его двойник рядом со знаменем. У богатыря тоже был через плечо шнурок, что тянулся к кобуре нагана, висевшего на ремне с правого бока. С левого бока размещалась сабля, которая была обнажена и

положена на правое плечо, охраняя знамя. Степан смотрел на это действо как на чудо, являющееся всего раз в жизни и хотел запомнить всё до мельчайших подробностей. Дрожь в коленях улеглась. Сердце стало биться ровно. Знаменная группа стала справа от командира полка, повернувшись лицом к новобранцам. Заместитель командира полка отдал рапорт и, с позволения командира, отдал команду на

принятие присяги. Степан напрягся. Его черёд! К нему его готовили командиры и отец Никон, что стоял рядом с командиром и одобрительно смотрел на Степана. Он уже несколько раз беседовал со Степаном по душам, расспрашивая и о прежней жизни и о службе, всё более убеждаясь, что из него выйдет толковый воин.

– Для зачтения текста присяги рядовому третьей роты Драбкову выйти из строя! – резануло уши. Сердце ударило

грудную клетку, словно хотело вырваться из груди.

– Есть выйти из строя для зачтения и принятия присяги, -чётко произнёс Степан и отработанным твёрдым шагом, по натёртому до зеркального блеска мраморному узорному полу, направился к знамённой группе. Встал рядом, точно исполнив все приёмы, взял из рук командира полка текст присяги и, под одобрительный кивок головой отца Никона,

ставшего рядом с христолюбивым воинством исполнил своё предназначение. Под сводами зала, отражаясь от высокого лепного потолка, от стёкол широченных окон, от шести огромных хрустальных люстр, зазвучал голос Степана, от имени всех новобранцев, присягавшего первым:-

Обещаю и клянусь всем сущим Богом, перед святым его Евангелием (Евангелие лежало на тумбе и

на него была возложена рука) в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского

Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества

узаконенных и впредь узаконяемые по крайнему

разумению, силе и возможности исполнять. Его

Императорского Величества государства и земель Его врагов телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путём, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать (это слово Степан повторил сотню раз прежде чем стал произносить его четко),что к Его Императорскому Величества службе и пользе государственной во всех случаях касаться может. Об ущербе же Его Императорского Величества интересе вреде и убытке, как скоро в том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальниками во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исполнять и по своей корысти свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя и в поле, обозе или гарнизоне никогда не отлучиться, но за оным, пока жив следовать буду и во всем так себя вести и поступать как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чём да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключении сей клятвы целую слова и Крест Спасителя

моего. Аминь.

Встав на правое колено и держа у пояса снятую бескозырку, правой рукой взял знамя с изображением Спасителя и

поцеловал шёлк, где изображался крест с вензелем Николая Второго. Исполнив долг Степан встал в строй с большим облегчением, ощущая в теле такую усталость, как будто в одиночку поставил стог сена. По спине тёк пот. Утереть пот со лба не было никакой возможности. Скосив свой взгляд на отца Никона, понял, что тот остался доволен его подвигом под сводами дворца. «Что будет, случись беда, на поле брани?» – эта мысль пришла в голову Степану только сейчас. В одном строю с товарищами, приняв присягу, он понял, что стал частицей той силы от которой теперь зависело благоденствие страны и всех людей которые её населяли и он теперь в ответе за их спокойствие и благополучие. Когда все, поочерёдно, начиная с правого фланга, чётко исполнили ритуал целования знамени, прошло почти три часа. Произведённые в солдаты стойко выдержали стояние на одном месте. Командир полка тоже выстоял, исполнив свой долг и слова присяги. Генерал был немногословен в своём поздравлении:

– Отныне вы, братцы, на государевой службе в славном лейб-гвардии Волынском полку, с чем вас и поздравляю! Троекратное Ура!,Ура!,Ура! потрясло зал. Закачались под потолком и зазвенели хрусталем люстры, задрожали стёкла. Вынесли знамя. Четыре сотни новоиспечённых солдат отправились в столовую за праздничный стол. После

небольшого отдыха предстоял смотр полка, где в первый раз торжественным маршем пройдут все числящиеся в строю. Отец Никон и, обрядившиеся в чёрные сутаны, члены церковной общины из солдат и офицеров, готовились к торжественному молебну. Требовалось освятить новые

регалии и знамя. Всё прошло по давно заведенному порядку. Гремел оркестр, дрожала мостовая, толпа любопытствовавших варшавян оглохла от полковой песни, звучали молитвы. Вечером на ужин налили по чарке вина и на час раньше уложили спать, поскольку подъём был на час раньше.

Следующий за полковым праздником день был

предоставлен хорошо организованному отдыху с пользой для дела. С утра начались состязания, игры и нехитрые развлечения. После обеда, для принявших присягу,

готовилось театрализованное представление об истории полка. После торжественного смотра офицеры, с жёнами допущенными в офицерское собрание, были приняты командиром полка. В день отдыха вечером готовился и бал для офицеров. Туда являлись добровольно, но по традиции, редко кто лишал себя такого удовольствия. Больше всех в эти два дня забот

и хлопот доставалось унтер-офицерам, работникам кухни, солдатам, заступившим в очередной наряд на работы, и добровольцам из солдат, кто за оплату из кассы полка подрядился на хозяйственные работы. Превращать первый этаж дворца в площадку для принятия присяги, столовую для банкета на сотню персон, театр со множеством декораций и зал для проведения бала было хлопотно. На торжественный приём к командиру полка дамы являлись в белоснежных атласных платьях, сходного покроя, но каждая старалась выделиться кружевными воротничками, рюшами, рукавами и иными ухищрениями из белоснежной ткани. Большим

разнообразием отличались белые шляпки с роскошными плюмажами и искусственными цветами. Шляпки

шпильками прикреплялись к высоким причёскам и ростом дамы порой превосходили своих кавалеров. Излишних украшений дамы не носили и соблюдали субординацию, не решаясь превосходить, старших по возрасту и положению мужей в полку. Зато, на балу и на театральных

представлениях, субординация не признавалась. Украшения и кавалеры дамами выбирались по вкусу и по настроению. Как закономерность, жёны офицеров не страдали от полноты фигур и как мужья держали себя в исправном физическом состоянии, чем и гордились, как мужья своими наградами и усами. В полку Степан не заметил тучных командиров, даже степенного возраста. Начиная с

командира полка – до мелкого интендантского чина – все обязаны были заниматься фехтованием и гимнастикой независимо от возраста. При всей унификации военной формы в армии, на торжественном приёме у командира полка ряд ветеранов приходили в роскошной парадной форме старого образца. Офицеры помоложе могли щегольнуть формой одолженной у отцов и у каптенармуса, что хранил старые костюмы для театрализованных представлений и реконструкций. Офицеры- волынцы для балов из казённых денег могли заказать себе и специальную форму для балов.

На мелкие нужды солдат, сверх подложенного по денежному и вещевому довольствию, являлись и деньги, которые нижние чины зарабатывали на вольных заработках с их согласия при выполнении хозяйственных работ для полковых нужд и просьб офицеров в свободное время. Так что, при увольнении в весёлую Варшаву, можно было заглянуть даже в кафе или ресторанчик на окраине и пригласить даму на прогулку. Помимо котлового питания на период летних лагерей и учений выделялись деньги на продукты, чтоб во время полевых занятий солдаты вскладчину сами дополнительно питались по своему усмотрению и сами готовили. Так что у солдатиков в

кармане денежки водились. В походах и боевых действиях питание усиливалось. Затраты на армию покрывались не за счёт налога на обывателя и мужика, а за счёт акциза на винокурение, который составлял треть бюджета и, хотя её потребление было умеренными (спаивали, большей частью малые народы Сибири куда гнали этот продукт за самую ценную в мире валюту -пушнину, что шла на европейских аукционах за бешеные деньги и торговлю эту держала в большой мере казна). Рекламировали же горячительные напитки как средство против мороза и простуды. Из армии, особенно из элитных частей, возвращались в деревни и сёла добрые молодцы крепкие здоровьем. Командиры строго следили за довольствием воинов и пуще огня боялись проверок. В мирное время в армейском хозяйстве царил порядок, но русско-японская война явила другую картину. На войну списывали все промашки и хищения. Учёт был в запущенном состоянии и его вели порой жёны интендантов, таскавшиеся с мужьями, и в убыток казне и прибыток своему карману. Всё можно было прикрыть, то – потерей от огня неприятеля, убылью едоков, которую приуменьшали, то – от порчи и непогоды. Многие ловили рыбку в мутной

воде и зарабатывали на крови и махинациях с вещевым и продуктовым довольствием бешеные деньги. Редко какой купец или промышленник мог по изворотливости и предприимчивости сравниться с тыловой крысой

присосавшейся к складу, куда и подкупленные

проверяющие не всегда решались заходить. Местное же население близь театра военных действий и одевалось и кормилось тем, что полагалось на довольствие армии. Кому война, а кому – кормушка как у родной матери. После той войны пошли в армии большие перемены в военной подготовке. Лейб – гвардия в той гиблой войне не

участвовала и нужд не терпела.

На торжественном богослужении освятили полковые регалии: знамёна, серебряные трубы, новые нагрудные знаки. Степан, держа головной убор в левой руке у пояса, слушал поздравления от шефа полка и его наследника цесаревича Алексея, числящегося в полку рядовым в первой роте. И ему присягнул полк. Поздравления прислали и все полки лейб-гвардии. Из них три: Литовский,

Кекгольмский и Санкт-Петербургский полки, были, вместе с волынцами, в третьей гвардейской пехотной дивизии дислоцировавшейся в Польше под командованием генерал-лейтенанта Сирелиуса на самом опасном и важном направлении на случай большой войны в Европе. Поздравил и командующий Варшавским военным округом генерал от артиллерии Иванов. В завершении полк в полном составе, поротно, во главе с ротным командиром, прошли, печатая шаг, перед глазами командира и многочисленной публики под гром оркестра по Варшавской мостовой. Редкое по красоте зрелище потом обсуждалось в городе. Степан вспоминал, прокручивая в своей памяти, прошедший день и первый парад и ожидал продолжения праздника. Для вновь влившихся в состав полка, готовилось

театрализованное представление, где должна была явиться история полка. На невысокой сцене, в углу зала оформлены были символы полка, висели все знамёна вручённые полку за долгий срок. Четырехступенчатая пирамида, из воинов с оружием и в форме войн с Наполеоном, Русско -турецкой войны и нынешнего состояния полка, знаменовала этапы его боевого пути. Четыре лучших солдата полка стояли наверху в окружении знамён под восьмиконечной звездой. Внизу пирамиды разметал крылья огромный двуглавый орёл. Взводный командир Степана кратко изложил заслуги полка и его награды. Барабанщики полка в кирасирских шлемах отбили дробь, горнисты вызвали на выступление оркестр, исполнивший марш полка. Потом произвели награждения отличившихся в прошедшем году.

Офицеры, разбившиеся на группы, обсуждали события торжественного традиционного приёма у командира полка. В переоборудованном, после ритуала принятия присяги, зале, появились три длинных ряда столов, застеленных белоснежными скатертями. За ними, в строгом порядке субординации, разместились офицеры с жёнами. Во главе стола, с торца, напротив входа в зал, восседал командир. Перед приёмом провели фотографирование групповое в фойе. Дамы предпочли фотографию общую, где потом можно было выяснить, кто выглядел наиболее эффектно. Жёны начальствующего состава сидели, а остальные стояли в три ряда на ступеньках, чтобы все были хорошо видны. Дамы выглядели большим белым облаком, оперённом плюмажами разнообразных шляпок с белоснежными цветами на вкус и фантазии хозяйки. Двух одинаковых шляпок не наблюдалось. Здесь, тоже шло негласное

состязание. Моде следовали, но и являли чудеса выдумки. Отличительным знаком всех полковых дам были

специально изготовленные одинаковые броши, сверкавшие в свете люстр, как драгоценности индийских раджей. Броши красовались на шляпках, на шее, на груди. При одинаковом крое платьев, с закрытым воротом и руками, удивляло разнообразие рукавов с изысканными кружевами и рюшами. Из всех частей тела было открыто лицо, обрамлённое высокими причёсками на зависть варшавским модницам. Руки были затянуты в белые перчатки. Белые туфельки

не были даже видны. При ходьбе платье касалось пола. При выходе этаких волынских дам в польское светское общество все взоры мужчин обращались в их сторону (они имели большой гардероб и лучших портных). Гордые полячки воротили нос в другую сторону. Все дамы имели безупречную репутацию и не допускали в свой круг, с помощью мужского офицерского собрания, неприятных особ. Офицеров было больше сотни, а вот дам всего четыре десятка. На торжественном приёме с соответствующим

застольем и свободным общением нельзя было, без

серьёзных последствий, ударить в грязь лицом и перед начальством и перед полковыми дамами. Нарушитель мог быть отлучён от полка решением собрания и переведён на иную службу. Готовились к балу основательно и, хотя мероприятие было необязательным; только дежурные по службе не являлись на него. Кавалеров был избыток, а дамы были нарасхват и щепетильны в выборе. Многие бы

знатные полячки мечтали попасть на такой бал, но дамы полковые не допускали конкуренток. Зато, в выходные дни, полковой оркестр гремел и кружил пары в вальсах и мазурках, летом на открытой площадке всех желающих, за платный вход, и приносил доход от варшавских любителей танцев в полковую кассу. Оркестр был знатный – не духовой, а- симфонический. Больше таких во всей армии не было и собирались в него лучшие музыканты. Шестьдесят

музыкантов по штату и энтузиасты и любители, вне его, владели всем набором инструментов и исполняли широчайший спектр музыкальных сочинений. Первыми в России они исполнили джаз.

К вечеру, большой зал был освобождён от стульев и столов. Исчезли и лишние декорации. Сверкающий пол отражал сияние люстр и блеск хрусталя. Оркестр настраивал и опробовал инструменты. Рояль, трубы,

флейты и скрипки испускали звуки при настройке и

подготовке. Десяток штатных барабанщиков отдыхали – им места в этом оркестре не находилось. За два часа перед балом, полковые дамы, с музыкальными способностями (таких было достаточно), с талантливыми офицерами дали небольшой концерт у рояля. Исполняли романсы и народные песни. Новобранцы, выдернутые повестками из глухих деревень и сёл, пялили глаза на полковых дам, издалека наблюдая их через окна. У рядовых и унтеров в казармах играли гармони, бренчали балалайки, пелись песни и трещали полы под сапогами танцоров. Старослужащие играли в комнате для отдыха в шашки, шахматы, домино и лото. Часть их собралась в каптёрке и резалась в карты на интерес или на мелкие денежки и при этом травили солдатские байки и анекдоты. У офицеров игра в карты была давней традицией. Степан, в своём самом длинном письме Марии, часа три описывал свои переживания и свое участие в праздновании. Закончил коротко:

«К службе приступил – через три года жди!»

В точно назначенное время оркестр заиграл полковой марш, приглашая всех дам и кавалеров на гранитный,

отшлифованный для танцев пол. Все пришедшие явились быстро на построение. Дамы семенили, шурша платьями, занять место поближе к оркестру, не суетясь излишне, при этом, величественно подняв головки,

с осознанием своей важности. Располагались в линейку и выискивали своих резвых кавалеров глазами. За редким

исключением это были мужья. Свободных дам не должно было быть, но, поскольку кавалеров был избыток, то являлся и хороший шанс у дам приобщиться в танце не только с привычным и поднадоевшим собеседником, но и с более лёгким на танец, симпатичным и молодым, холостым кавалером, чтобы муж больше обращал внимания на маленькие капризы и крепче любил. Медленно в зале зазвучал вальс «Амурские волны» и пары заскользили по паркету. Первым, по субординации, двинулся полковой командир со своей супругой, кото-

рая за несколько месяцев до бала уже начинала тщательно проверять свой вес. Вторым, по негласному мнению офицерского собрания, лучший танцор барон Тизенгаузен с одобренной, заранее офицерским собранием, на зависть многим дамам

королевой бала, коей явилась в первый раз супруга

командира первой роты – средних лет яркая блондинка:

стройная как южный тополь, весёлого нрава и высокого авторитета среди подруг. Половина полковых дам уже бывали ранее в её роли и это крепило ревнивый женский союз и давала надежду многим дамам оказаться в самой завидной паре на балу.

Идеально подобранная пара должна была явить образец, на который должны были ровняться все в исполнении танца. Высокая причёска дамы и туфельки на приподнятом каблучке ровняли в росте её с высоким и стройным партнёром, который ещё юным, в училище блистал своими способностями в фехтовании и танцах и вызывал тем восхищение незамужних девиц. Галантностью и острым умом Сергей Тизенгаузен завоевал внимание многих

полковых дам, но в Дон-Жуаны никто не мог его записать. Вскоре, в кругообращении, оказалось четыре десятка пар. После плавного с грустинкой, меланхоличного «На сопках Манчжурии», с напоминаниями о воинстве, зазвучали более бодрые и, заставляющие быстрее переставлять ноги и

крепче держаться за партнёров мелодии, выдуваемые

не только трубами, но извлекаемые из флейт и скрипок. Менялись партнёры, оживлялись беседы, светились от

улыбок и яркого электрического света глаза, розовели лица. Старшие офицеры не успевали за темпом, где нужно было проявлять усилия, как на военных учениях, и, отдуваясь, стали перепоручать своих жён, не знающих усталости, свежим кавалерам, терпеливо ждавших своей удачи.

Солдаты слушали в казарме игру оркестра. Многие выходили на улицу, чтобы лучше слушать музыкальный концерт. Подходить близко к окнам воспрещалось. Сквозь не зашторенные окна, высотой в два человеческих роста, были видны корпуса и головы танцующих в сиянии люстр.

После вальсов пошли более сложные танцы, где преуспевали недавние выпускники военных училищ, водившие и кружившие своих дам, которые в своем кругу разучивали новомодные танцы, беря уроки у польских учителей. Тут уж, занятые службой мужья, удивлялись прыти своих неутомимых и прытких жён. Степану, впервые наблюдавшему подобное зрелище издалека, сказочное

движение кружевных белоснежных облаков в паре с кавалерами в белых парадных и иных, специально для бала шитых костюмах, явилось чудной сказкой. При лёгком морозце он с Петром прогуливались на площади перед

дворцом. Тихо падал снег. Лёгкие снежинки кружили в

воздухе под пение флейт и скрипок исполняя свой белый вальс и ложились на плечи и ресницы Степана. Он вёл беседу с товарищем обсуждая события суматошных дней

перед принятием присяги. Пётр допытывался почему именно дружка определили на ответственное мероприятие и

тем самым выделили его и прославили среди новобранцев.

Степан отмалчивался. Он и сам не знал, за что его выделили

командиры и не хотел посвящать его в свои сомнения и переживания. В душе его звучала музыка, а в глазах, сквозь

пелену снежного тумана, проступали черты далёкой и всё

более притягательной Марии. Воспоминания памятного

Рождества и здесь волновали его душу. Степан часто, глядя

на подарок Марии, и, наблюдая как передвигаются стрелки

тяжёлого серебряного хронометра, мысленно возвращался в родной дом, к любимой Марии. «Что с ней? Хватит ли сил дождаться его?». Служба и строгий распорядок не тяготили новообращённого рядового солдата. Профессию эту он осваивал так же серьёзно, как и нелёгкий и ответственный труд к которому приобщал его отец и который Степан почитал не только необходимым, но и основополагающим для всей своей дальнейшей жизни. Так жили предки и так предполагал жить и он.

Последним зазвучал плавный и величественный полонез-творение польской музыкальной культуры, покорившее, как и венский вальс, российское высшее общество. Степан вспоминал нехитрые, но озорные и захватывающие танцы

деревенской молодёжи, которым не обучали учителя, а которые исторгала душа, как и русскую песню, и которые вошли с самого рождения в душу и кровь, с тоской и удалой веселостью выплёскиваясь в этот суетный мир, являя сокровенные, глубоко укрытые, тайны сложной души, которая таилась и у разбойника и у святого. Познать все тайники мятежной души – не в силах- ни пророку, ни мудрецу-писателю. Какая сила движет человеком? Какая сила может остановить на краю бездны и какая сила толкает

его в бездну? Может быть та гармония и сила живут в музыке, что рождает природа и, что льётся из души то стоном, то звонким смехом и, что не умирает и живёт вечно с шумом дождя и раскатами грома, с шорохом опавшей листвы и криком петуха, с посвистом разбойничьим ветра и ласковым звучанием материнской колыбельной песни. Звуки полонеза напомнили вновь Степану ночь перед Рождеством, когда заглянул в бездонные светлые глаза своей Марии, поглотившие его целиком и навсегда. В звучании оркестра слышался её смех и чувствовалась её грусть, что доходила до Степана через тысячи верст. Когда Пётр поинтересовался о том, что пишут из деревни и как там поживает его зазноба, Степан односложно ответил:

– Пишут.

На первом этапе обучения Степан обратил на себя внимание быстрым усвоением новой военной науки. С шагистикой на плацу проблем не было- тело послушно

исполняло команды; уставы, при крепкой памяти, заучил назубок и действовал согласно их. Особенно отличался в физических упражнениях, где он, привычный с малых лет к сельской монотонной и тяжёлой работе, где отец был строгим наставником, превосходил многих своих новых товарищей, вызывал уважение и поощрения командиров и старослужащих. Рубил, колол и бил по макетам

изображаемого противника так, что и бывалые солдаты цокали языками и любовались новобранцем, а в

соревнованиях и играх желали видеть его в своей команде. Хоть времени с расставания с Марией прошло немного, но страстное желание увидеть её посещало солдата и наяву и во сне.

К середине второго года службы, когда Степан явил себя дисциплинированным, отличным по показателям рядовым,

за ним начал наблюдать командир роты капитан Тишевский – большой авторитет в полку. Старательный и скромный рядовой, любопытный и читающий ему нравился. Он стал лучшим стрелком в роте и в первое же лето на полевых учениях на стрельбище удивил. С весны полк выводился из города в летние учебные лагеря. Жили в десятиместных, выгоревших на солнце, белых плотных и просторных палатках. На первых учебных стрельбах Степан получил два пристрелочных патрона к винтовке Мосина и вспомнил сотни теоретических занятий, где «дядьки» следили за каждым движением и добивались, чтобы и глаз точно через прицел искал цель, чтобы тело при положении лёжа, с колена и стоя- было неколебимым, дыхание -ровным

и рука- крепка; нажимать на курок мягко и не дыша. Вроде наука несложная, да вот не у всех получалось, так как у Степана на открытом полевом стрельбище боевыми патронами. Учебных патронов не было предусмотрено и стрельбы боевыми проводились в лагерях, на воздухе, где было много помех. Солнце и ветер, вместе с волнением за результат, от которого зависели и поощрения с наказаниями и стрелков и их наставников, сильно напрягало. Что пуля —дура, а штык- молодец- эту присказку великого Суворова, который и сам поучал беречь каждый патрон и наказывал за промахи, оправдывало только то, что суворовские чудо-богатыри превзошли лучших в Европе и Азии рукопашных бойцов —турецких янычар, что с самого детства обучались этому воинскому искусству. Устоять против русского штыка, со времён Петра Великого после Полтавской баталии, не могли уже ни шведы, ни немцы, ни французская гвардия.

Вспомнив всю теорию и навыки отработанные на занятиях, Степан с волнением улёгся на землю и изготовился к стрельбе. Как учили, две пули послал в щит, что стоял изображая фигуру. После пристрелки проверили мишени. У одного поправили неверно установленную по забывчивости планку и ещё раз напомнили правила стрельбы. Девять человек со Степаном застыли на рубеже. Стрелять нужно было по команде. Это было сложное задание по которому можно было сразу определить выучку. Пять раз, через равные промежутки времени, прозвучала команда «Пли!» Пять раз плечо Степана получило толчки от окованного металлом основания приклада, что в рукопашном бою должен был как дубина сокрушать врага. Когда отстрелялись, командир отделения сбегал к мишеням и сделал записи. У мишени Степана задержался дольше всего. У Степана ёкнуло сердце! В отделении было три новобранца. «Неужели опростоволосился?» Взводный получил сведения. Он преуспевал не только в танцах, но и числился приличным стрелком из винтовки и револьвера и, ожидая повышения, хотел отличить свою команду на стрельбах. Подойдя к Степану, ждущему с винтовкой, приставленной к ноге, результатов стрельбы и, глядя в лицо Степану, радостно коротко бросил:

– Восхитительно!…Где же ты, молодчик, так научился стрелять?

– От отца, ваше благородие, такую привычку имею.

– Значит, охотник… Ну, а какого зверя бил?

– Большого зверя не брал, на то мужику запрет был, а так, всё больше, на зайца и волка, да птицу по осени в лёт бил.

– Выдайте стрелку еще пять патронов.

Ты, Драбков, видишь на насыпи фигуры? До них

четыреста шагов. Поправь прицел, да покажи каков охотник. Стреляй без команды. Степан отстрелялся. Пока отделённый бегал за результатом, взводный сел на скамейку, подозвал Степана к себе, открыл серебряный

портсигар и предложил закурить папироску.

– Не балуюсь я этим, извольте отказаться.

– Ах, да, прости, я запамятовал. Одобряю. Это, братец, и хорошо. Видать ты и лес неплохо знаешь и в разведку вполне годишься. Не заблудишься без карты?

– Карты я читать не обучен, но дороги в лесу назад не

потеряю.

– Что книги читаешь приветствую, а если буквы в слова складывать обучен и смысл понять можешь, то и карта

дело не мудрёное; зайца и того на барабане бить в цирке

обучить могут, а из умного солдата и полководца сотворить

вполне возможно; было бы желание.

Когда явились результаты второй стрельбы, взводный удивления не скрыл. Без полевой практики уложить все

пули кучно в центр мишени не всегда удавалось и ему. Тизенгаузен решил потерять время, но довести дело до конца. Он и сам сейчас ощутил азарт соревнования.

– Выдать стрелку еще три патрона. Видишь у леска стоят две фигуры деревянные? В них ещё никто не стрелял… они целёхоньки. До фигур 1400 шагов. На сколько шагов достает винтовка Мосина?

– Шагов не могу знать, а в устава означено- до двух километров.

– Правильно обозначено. Попробуй достать. Проверь прицельную планку, покажи каков мастер.

Отделённый, найди и мне добрую винтовку, да не

ошибись, и выдай мне тоже три патрона. Раззадорил ты меня, Драбков. Моя фигура правая, а твоя слева. Ветра нет, солнце светит и, если разок попадёшь, я тебя отличу и на соревнования от взвода отправлю. Весь взвод расположился на травке в ожидании соревнования и потихоньку делали ставки на победителя.

– Отчего ж не стрельнуть. Они же не бегают.

Степан лёг, ещё раз проверил прицел. Нацелил глаз на солнце так, чтоб оно не мешало. Прапорщик лёг рядом, снял фуражку и уложил винтовку на бруствер из мешков с песком. Степан знал, что чем дольше и напряжнней целишься по птице, тем меньше возможен успех – глаз замыливается и устаёт.

Степан всё делал с большой тщательностью. Твёрдо уперев локти, приладил приклад винтовки к ноющему от отдачи оружия при выстрелах плечу, делал глубокий вдох, находил через прорезь прицела мушку на конце длинного ствола, который увеличивал дальность и точность стрельбы, находил середину фигуры, затаив дыхание, плавно нажимал на курок. Сделав выдох, спокойно передёргивал затвор и повторял сотни раз выполняемое при обучении упражнение.

Только тогда не ныло плечо и не глохло в ушах. Азарта, как

при охоте в лесу, на стрельбище не было и, выпуская пули по деревянным макетам, Степан был хладнокровен и не испытывал никакого волнения. На охотничьих трофеях его

не смущала кровь. С детства был приучен без страстей

относиться к привычному для крестьянской жизни забою

скота и птицы и наблюдал не раз, как крестьяне, для исцеления от болезней, по заветам своих далёких предков, знахарей всех хворей и бед, пользовались свежей, ещё тёплой, свиной кровью. Убить зверя или птицу на охоте

считалось хорошим промыслом и подспорьем в хозяйстве.

Деревянные мишени и соломенные мешки для обучения

штыковому бою не вызывали у Степана эмоций, а мысли о том, что возможно придётся убивать людей в голову не приходили. В рассказах о подвигах волынцев и книгах, которые он прочёл о войне, Степан не ощутил боли и запахов тёплой крови. Война и кровь были далеко от его мыслей. Раздумья же о Марии всё чаще волновали его

сердце и он с нетерпением ждал каждую весточку от неё.

Степан раньше соперника выпустил все три пули и встал. Тизенгаузен отстрелялся и поднялся, стряхнув землю со своего мундира. Довольный собой, подошёл к Степану и,

скорее не приказом, а просьбой, произнёс:

– Теперь, стрелок, оставь винтовку и даю тебе двенадцать минут времени (достал часы наградные за успехи в стрельбе

при своём выпуске из училища) чтобы ты, дружок, успел обернуться с результатом. Бегом марш!

Степан отправился к мишеням маячившим вдалеке. На бегу вытащил из кармана часы, бережно хранимые им, как залог любви от Марии, прислушался к их ходу, завёл на бегу и, держа в руке, смотрел на перемещение минутной стрелки от деления к делению. Проверил фигуры и, держа ровное дыхание, пустился бегом в обратный путь. По времени укладывался, но сапоги становились всё тяжелее, а дыхание неровным, сердце рвалось из груди. Тяжело дыша

доложился:

– Обе фигуры поражены, ваше благородие.

– В какую часть?

– Одна в грудь, а одна пуля в живот у вас.

– Ты куда целил?

– В середину фигуры.

– Твоя фигура куда поражена?

– В живот все три.

– Видать мне потренироваться после зимы надо, давненько винтовку в руках не держал. а тебе перед строем благодарность будет. А часы у тебя от кого, можно ли глянуть?

Видать взводный успел заметить и оценить и усердие в беге и точный расчёт и хронометр, каким его подчинённый пользовался. Степан вновь извлёк часы из кармана и передал барону. Тот внимательно рассмотрел их и прочёл гравировку.

– Да, знатная штуковина! Кто тебе даритель? Сейчас

таких не производят.

– Невеста, ваше благородие. Это её зарок, чтоб в армии не забыл и наследство от деда Евсея, что ей к свадьбе приготовил.

– А где дед службу нёс?

– В полку Преображенском, ваше благородие.

– Славный полк! Цени, Драбков, подарок и невесту не забывай.

– Так точно, ценить и не забывать.

– Вот и отпиши родителям, что я тобой доволен.

– Есть отписать.

Этот длинный по военным меркам разговор не прошёл даром. Взводный следил за ростом Степана в военном деле и поощрял его усердие. Степан отличался и на занятиях плаванием в единственной в русской армии школе по плаванию, что располагалась на берегу широкой Вислы, недалеко от места расквартирования полка. Все солдаты должны были быть обучены и плаванью. Любопытные польские дамы в бинокли наблюдали за занятиями

волынцев, отмечая ладные, мускулистые фигуры. Рядовые солдаты полка во время увольнений в город пользовались популярностью у местных барышень не обременяющих себя примерным поведением. Некоторые гвардейцы были и любвеобильны и щедры. Кое- кто из сверхсрочников и молодых офицеров заводили себе и жён, не обращая

внимания, на католическое вероисповедание, зная, что полячка венчанная в костёле никогда не оставит мужа. В Варшаве любители спорта знали участника Олимпийских игр 1912 года в Швеции капитана Волынского полка Андреева, который на первой олимпиаде с участием российских спортсменов получил отдельную награду Олимпийского комитета в Стокгольме. Ему был вручён

специальный приз за участие в показательных выступлениях, отметив его виртуозное фехтование на саблях, хотя фехтование не входило в программу игр. Его фотографии на открытках раскупали и в Санкт-Петербурге и в Варшаве с Москвой. Вместе с фотографией красавца-фехтовальщика нарасхват у дам были и другие волынцы приятного вида, мечтающих обрести своё счастье с таким же красавцем. На второй год службы, когда треть полка демобилизовали, и на треть пополнили новобранцами, стали отпускать в увольнение. Первый свой выход в город Степан совершил вместе с Петром, что тоже значился в числе лучших в роте и дружба воинская с которым у Степана крепла. Вместе они проводили много свободного времени. Служба шла без натуги и время стало лететь быстрее. Степан продолжал брать книги в полковой библиотеке. Залпом прочитал «Воскресение» Льва Толстого и погоревал о его кончине автора, случившейся в год призыва Степана на воинскую службу. Рассказы Гаршина и Чехова, которые

неугомонная Вера Фёдоровна порекомендовала для чтения и духовного развития любопытного и симпатичного для неё, ставшего более общительным парня, раскрывали ему человеческие характеры и переживания и усиливали тягу к чтению. Степан чувствовал, что в его душе происходят изменения. Прежний уклад мыслей, связывающих его с семьёй и деревенской жизнью- будничной и простой, менялся в среде в которую он попал в элитном полку, в огромном, столичном, европейском городе, среди множества людей, разных по своему положению в обществе и по внутреннему содержанию, менялся под влиянием новых обстоятельств. Узкий, привычный уклад деревенской жизни – спокойной и размеренной, изредка разбавляемой бурными бытовыми страстями и нехитрыми, привычными развлечениями, расширился. В полковой казарме была представлена вся Россия, а в огромном городе в центре Европы можно было найти отражение и всего христианского мира. Новые общения, новый круг интересов, формировали и новый взгляд на мир, но обогащаясь жизненным опытом, Степан инстинктивно тянулся к тому миру в котором он привычно жил и свободно дышал, где с детства открывал для себя первые, вечные тайны бытия.

«Где родился- там и пригодился» -эта немудрёная истина глазами матери и Марии тянула его назад к земле, где он провёл первую свою борозду и познал чувство любви. На летних военных учениях Степан, как в поле на пашне и в лесу, ощущал призывные запахи земли, на которой колосится рожь и медовым запахом дышат луга. Чем дольше солдат подминал под своим сапогом на маршах, учениях и парадах матушку-землю, тем больше она тянула к себе на иную работу. Эту землю Степан готовился защищать от чужого сапога, но не представлял себя, как его взводный командир – барон и землевладелец, что можно землю иметь, но ей не заниматься, а всю жизнь тянуть военную лямку.

Степан много читал о своём полке и книг по военной истории. Он раньше не предполагал, что чтение может стать в однообразной казарменной жизни, расписанной уставам поминутно, страстью, которая отвлечёт, оторванного от родного дома, от тоскливых мыслей и ускорит бег времени.

Хронометр, которые Степан носил на груди, размеренно отсчитывали часы и минуты уже привычной службы. Взводный не только отличал и поощрял его, но и имел на него виды в качестве возможного будущего помощника и пытался выведать, есть ли у Степана желание продолжить службу. Пётр замечал внимание командиров к Степану и втайне завидовал этому. Спрашивал изредка, что пишут из дома и как там поживает его невеста. У Степана появилась, удивившая бы отца страсть. По прошествии времени, Степан сдружился со старослужащим Егором-каптенармусом роты. Сошлись они на чтении и обсуждении книг. У Егора было мало хлопот и много свободного времени. В его ведении было вещевое имущество роты и отдельное помещение, где он дневал и ночевал. Водились у него и у старослужащих деньги и был азарт, как на соревнованиях. Егор и втянул потихоньку Степана, сначала зрителем, а потом и участником в карточные баталии, что кипели перед отбоем и в воскресные дни в его тихой, гостеприимной

кандейке. Объяснил, что это развивает и память и наблюдательность и скрашивает унылый досуг в зимнее время. Офицеры сами баловались этим, сквозь пальцы смотрели и за подобным у рядовых, сверхсрочников и старослужащих. Картёжных любителей было немного и деньги ходили по карманам небольшие. Начальство требовало только, чтоб на этой почве не было конфликтов. Правила были строгие. Когда Степан быстро овладел навыками игр с опытным в этих делах каптенармусом и стал его обыгрывать, то захотелось испытать силы с «мастерами» которые знали все секреты. Пойманных на шулерстве за карточным столом в кандейке Егора наказывали самым действенным способом, отбивавшим у них всякую охоту жульничать. Степану захотелось посостязаться с заядлыми картёжниками не на щелбаны по лбу или битьем картами по носу и «кукареканьем» или копеечку, а на звонкую монету, которая водилась и у Степана. В город он не стремился и на сладости в полковой лавке не зарился. Денежное довольствие лежало попусту. Один раз пытался отправить скопленное домой, но отец строго отписал, что нужды в этом нет, все здоровы и Василий с девками работящие; пусть о себе на службе печётся. Купил Марие платок и колечко и хранил в коптёрке вместе с часами и другим имуществом. Степан легко вписался в круг мастеров карточной игры и вскоре имел и лишние деньги.

В первом увольнении получил жетон с надписью «3 рота В. Л. Г.П.№7», что означало -это документ на увольнение служащего в третьей роте Волынского лейб-гвардии полка, который числится в списке отпущенных из части под номером семь. Если при отпуске явятся

непредвиденные обстоятельства мешающие вернуться увольнявшемуся в часть, то в любом виде -живым или мёртвым, трезвым или пьяным вернуть на место службы для разбирательства. В первом увольнении Степан с группой товарищей посидел в кафе, прошлись по центру столицы, где и находились их казармы, привлекая внимание польских"пани». На улицах царила тёплая осень. Был воскресный день и в сквере было

много гуляющей публики приличного вида. Центр был чист и опрятен. На окраинах дымили трубы предприятий. Там текла совершенно другая жизнь чем в центре. Степан понял это позднее, когда, освоившись в центре, заглянул и на окраины, прокатившись по рельсам на конном трамвайчике-конке. На второй выход ему в спутники попал Пётр. Степан оказался в качестве провожатого и хотел провести товарища по знакомым местам. Пройдя площадь перед дворцом Мостовских, где на третьем этаже правого флигеля в одной из больших комнат размещался взвод где служили Пётр и Степан, оказались в небольшом скверике со скамейками. Там, как обычно по воскресеньям сидели польские

панёнки, реже пани, ждавшие случая увлечь приятного гвардейца в свои сети. Они давно знали, то у них всегда есть деньги и есть те, кто страдает без женской ласки, которую женатые уже познали. Появление Петра и Степана вызвало внимание двух привлекательных дам, которые зашептались. Одна из них- молоденькая и красивая, быстро поднялась с места и пошла навстречу гвардейцам, которые замедлили свой ход. Девушка подошла к Степану и на смеси польского и малороссийского языка попросила:

– Пан жолнеж, прошу трошки погутарить.

Степан в смущении остановился. Он чувствовал, что девушка тоже в смущении, долго готовилась к этой встрече и сильно волновалась. Начавшийся разговор, где Степан только слушал, а Пётр отошёл в сторонку, прояснил намерения дамы. Девушка просила за свою сестру, объяснив, что она уже третий год замужем, но бог ребёнка не дает и доктора определили, что с мужем дитя у неё не будет, но мужа она любит и они вместе решили завести дитя, но не от польского донжуана, чтоб не иметь лишних хлопот и огласки и тем смущать себя. Они летом наблюдали с интересом за купаниями гвардейцев и сошлись на том, что годны все, лишь бы кто-нибудь согласился. Сестра здорова и состоятельный муж готов заплатить за услугу. Если пан жолнеж согласиться прийти к ним, то сестра будет

благодарна. Степан растерялся и ничего не мог сказать. Сердце учащённо билось. У сердца стучали часы, что Степан взял с собой. Степан подыскивал слова, как

повежливее объяснить панёнке о причинах отказа и,

наконец, нашёл что сказать:

– Меня невеста дома ждёт, а товарищ мой без обязательств. Глянь на него, может подойдёт? Девушка глянула на Петра и дважды кивнула головой.

– Хорошо, хорошо! Только прошу поговорить с ним вас. Мне самой этот красавец приглянулся. Пётр внимательно следил за беседой и по отрывочным словам понимал о чём могла идти речь. Переводил взгляд с одной девицы на другую и старался привлечь интерес и расположение к себе. Степан попросил даму подождать и подошел к Петру. Объяснил положение и просьбу девиц.

– Сам то чего отказал, аль девица неподходящая. Мне обе нравятся. Не бойся, Мария не узнает.

– Нехорошо это. Родители запрет дали и Марию обманывать не хочу. Как-нибудь без этого обойдусь.

– Ну, и дурак. Думаешь она там тебя дожидается. Небось женихи табуном ходят. Девка-краса в самом соку!

Степан внутри обозлился, но виду не подал.

– Так ты согласен с девицами погулять. Они обе тебе не откажут. А та, что на скамейке сидит и приятнее и сильное

желание имеет, даже деньги готова заплатить. Я тебе деньги на угощение девиц дать могу. Я тут погуляю и обожду.

– Денег мне и своих хватит. Я в картишки не играл и капиталец скопил на потехи в увольнении. Гуляй где

хочешь, а я с девицами отдохну.

На том и порешили. Вечером в казарме Степан не спрашивал у друга, но видел, что он получил желанное удовольствие и был в прекрасном расположении духа. Степану о своих амурных похождениях ничего не

рассказывал. Степан с той поры в увольнения не ходил, да и изменились обстоятельства. Летом 1912 года Степана, в числе лучших солдат, отправили с делегацией полка на открытие памятника Волынскому полку на Бородинском поле в честь столетнего юбилея великой битвы испытавшей крепость духа и самоотверженность российского воинства. На второе полковое торжество Степан явился в парадной форме, подогнанной под его обросшее мышцами тело. На мундире, кроме полкового знака, ещё висел юбилейный знак полка, утверждённый в 1906 году -«Золотой Польский крест Виртути Милитари». В центре на малиновом кружке, обрамлённом зелёными листьями, красовался серебряный вензель Николая Второго с датами"1806 и 1906». Между четырьмя концами креста размещались четыре вензеля императоров при которых существовал полк. Третьим знаком отличия блестел юбилейный знак шефа полка-государя-императора по случаю 25-летнего шефства над полком, исполнившегося в 1904 году- серебряный

вензель под императорской короной и золотой вензель с числом юбилейных лет. Знак обрамлялся золотым венком, на низ которого серебром легла надпись «За Тишкисен 19 февраля 1877 года». При Александре Третьем и Николае Втором лейб-гвардии полк в войнах не участвовали и Георгиевских кавалеров в полку по списку не числилось и солдаты этим не огорчались.

Отец Никон, что нёс исправно в свои преклонные годы обязанности по воспитанию воинства, несколько раз беседовал со Степном о службе, о письмах из дома в часовенке у полковой иконы Божьей Матери" Отрада и Утешение». Подарок архиепископа Константинопольского нёс теперь службу на русской земле. Как то он завёл разговор, не хочет ли он связать свою службу и жизнь с полком. Степан ответил уклончиво. Служба ему была не в тягость, но воспоминания, Мария, земля и родные тянула к себе, часы отсчитывали дни, приближав-

шие его к заветной встрече. Осенью он уже был приставлен «дядькой» к земляку из Уфимской губернии и одной со Степаном волости, из Санжаровки, от которой и до Черниговки недалеко. Землячество их быстро сдружило. Нашлись и общие знакомые. Петра задевало то, что Степан стал много общаться по долгу с новобранцем Павлом. После вторых летних полевых сборов и учений, где за успехи в стрельбе Степан вновь получил отличие, а полк преуспел в окружных учениях, где использовались дирижабли и самолеты, командир роты вызвал Степана и завёл разговор о продвижении по службе и сообщил ему, что хочет рекомендовать его в полковую учебную команду для подготовки унтер-офицеров и требуется его согласие. На Балканах гремели две войны- одна за другой. Германский кайзер- родственник Николая Второго, бряцал металлом у берегов Африки, пугая и Францию и Британию. Его империи было тесно в маленькой Европе. Французы давали деньги под проценты на поддержание самодержавного режима в России и укрепления русской армии, рассчитывая покрепче связать Россию обязательствами при её громадных людских ресурсах. Население России росло невиданными темпами, а экономика стремилась неуклонно вверх. Никто на словах из великих держав не хотел войны, но дипломаты в тиши кабинетов и военные в штабах и на учениях показывали, что не зря едят свой хлеб с маслом. На случай войны, полк должен был увеличиться вдвое и требовались командиры. Половина офицеров в армии уже были из простолюдинов и среди них искали новое пушечное мясо. Дворянство, как служилое военное сословие, постепенно вырождалось, но пыталось держаться за свои дарованные привилегии. В Балканской войне участвовали и офицеры -добровольцы из Волынского полка, набиравшиеся опыта современной войны. Помогать братьям-славянам из Сербии, Черногории, Болгарии и православным грекам- была традиционная политика

российских самодержцев в противостоянии многовековом с Османской турецкой империей. Российский император, ожёгшись на Востоке с Японией, предлагал всем мир и разоружение или, хотя бы, запрещения варварских видов оружия: разрывных пуль отравляющих газов и воздушных бомбометаний, не получил поддержки со стороны великих государств и их вассалов, искавших покровительства. Усилия Николая оказались напрасными. «Брат Вилли», которого Бисмарк предупреждал о пагубных последствиях войны с Россией с её просторами и неприхотливым к тяготам населением, верил только в крупповскую сталь и немецкий военный гений, который предусмотрит всё. Выносливость и неприхотливость русского солдата, его смекалку и ярость трудно было измерить немецкой цифирью. Умело воевал он от- снежных Альп в центре тихой Европы, болот и чащоб Польши, до – балканских нагорий и гор Кавказа, до пустынь Средней Азии и сопок Манчжурии. Подзабыли пруссаки слова Фридриха Великого, битого русскими на полях Европы -" Русского солдата мало убить, его надо ещё и свалить», а он то, знал толк в войнах и бегал от русских, как заяц, и отдал русским ключи от Берлина вместе с частью Восточной Пруссии- гнезда рыцарей-крестоносцев не раз устремлявшихся на Восток, где и находили свою погибель.

Что добывало своей кровушкой русское воинство, терялось от низкопоклонства и неразумения знати, что не могла найти ответа на мучивший Европу вопрос- «Чем является для Европы Россия с огромными территориями и возможностями -угрозой или благом?». Непредсказуемость России пугала. Не вписывающаяся в логику Запада таинство русской души, где мало места меркантильному расчёту, а простор для чувств и бурных страстей, были непонятны просвещенному западному филистёру, привыкшему к спокойной жизни. Никакой Иммануил Кант, принявший на время русское подданство в цитадели

прусского духа- городе Кёнигсберг (королевская гора), взятого русскими с боя и бездарно возвращенного битому прусскому королю его поклонником Петром Третьим, не смог понять духа России и её предназначения. Пётр Третий лишился не только трона, но головы, а лейб-гвардейцы-отпрыски дворянских родов, возвели на трон немку Екатерину, что хотела сделать

Россию, как и Пётр Великий, европейской страной и во многом преуспела, явив тьму полководцев и расширив владения, когда, без больших потерь, вернула земли Малой и Белой Руси.

Для полковой школы выделялось отдельное помещение и своё отдельное хозяйство. Начальниками в ней являлись самые грамотные и толковые офицеры с большим опытом и практикой работы с солдатами. Занятия проводили осенью и зимой после лагерных сборов. Обучающиеся готовились к должности младших командиров, приобщались в школе к самостоятельному чтению и изучению рекомендуемой литературы. Преподаватели читали лекции по тактике, истории войн, организации и управлению подразделениями. Занятия проводили: полковой священник, врач, ветеринар и заведующий оружием. Экзамен принимал командир полка и комиссия из нескольких человек. Степан, в числе лучших, сразу получил вакансию командира отделения. В каждой роте, на случай войны, было предусмотрено восемь

вакансий, заполненных сверхсрочниками и строевыми унтер-офицерами. В свое подчинение Степан получил отделение с тремя новобранцами. К следующим лагерным сборам Степан был подпрапорщиком. Двигаться в офицеры дальше было достаточно сложно. Требовалось военное образование. Пётр успехи своего товарища принимал как должное, но, не выказывал особой радости по случаю его

возвышению по службе. Случилось так, что он попал в прямое подчинение к другу, который не выделял его особо среди других и требовал со всех одной мерой. Это задевало

самолюбие Петра, но- дружба дружбой, а служба- службой.

Снисхождения в промашках и наличие любимчиков не было в полковых традициях.

Весной 1914 года Степана отозвал ротный командир в сторонку и отправил его в канцелярию к заместителю командира полка. Командир роты не раз заводил разговор и подключил к этому и отца Никона, не имеет ли желания Степан на год продлить службу. Степан отговаривался. В Европе отгрохотала вторая Балканская война, а Степана уже поджидали дома. Степан не верил, что война может явиться в Россию. Как такое может быть – если царь в родстве с английским королём Георгом и немецким императором «братом Вилли»? Троих главнейших монархов в Европе трудно было отличить по облику и фигуре. С английским королём Николай был как брат-близнец. Одинаковые

бородка и усы дели их совершенно неразличимыми. В родственниках российскому монарху ходили датский и греческий короли. Однако, читая газеты, к которым он приобщился, Степан заподозрил, что не всё в этом мире гладко, как успокаивал он сам себя и как, даже, писалось в газетах. Учения стали проводиться и зимой. Амуниция обновлялась, поступили первые пулемёты, в небе являлись редкие ранее самолёты. Полк, участвовавший почти во всех войнах, жил по закону- не для парадов, а для баталий готовить солдат и офицеров. Ближе других он находился к Берлину и Вене, откуда исходила главная военная

угроза. Немецкий принц Фердинанд Кобургский, ставший болгарским царем и плюнувший на Россию, сделавшую болгар независимыми от османов, повязал свою страну с Германией. При этом, и обидел своих союзников по Первой Балканской войне. Он захватил большую часть земель на которые с Болгарией претендовали Греция, Сербия,

Румыния и Черногория. Обиженные победители

объединились вместе с битой Турцией и разом набросились на Болгарию. Кровь лилась рекой. Великие державы на Баканах, на полях сражений испытывали новое оружие и самолёты. Болгар серьёзно побили, сделав их врагами Антанты (союза сблизившихся перед угрозой со стороны стремительно растущей Германии, искавшей для себя жизненное пространство). Антанта-по-французски —

«сердечное согласие» соединило в единое военное целое тех, кто в двух последних крупных европейских войнах на полях сражений и в боях на дипломатической арене противостояли России. Англия, Франция и Россия оказались в одной упряжке против Тройственного союза.

Мир был хрупок, но обывыватель полагал, что в Европе, в двадцатом веке, породнившейся на браках коронованных особ и несущей цивилизацию, как Древний Рим, европейским и азиатским варварам, войны быть не может. Обыватель её боялся, но не возмущался, пока война велась в Азии, Африке и на переферии Европы. Пусть уж турки уничтожают славян, а славяне друг друга – главное, чтобы война не пришла на из улочку, в их уютный домик, в знакомое кафе, где можно посидеть с газетой, обсуждая мировые проблемы. Вопли французского пацифиста и журналиста Жана Жоресса, тонули в массе газетных статей, убаюкивающих словами о невозможности поверить, чтобы достижения европейской цивилизации в науке и технике обрушить на хрупкие тела живой людской плоти, тварей божьих, которые всё больше привыкают к плодящимся благам. Другое дело – если это касается других: индусов, китайцев, бушменов и готтентотов, что быстро плодятся и тоже хотят пользоваться благами, которых на всех не

хватит.

В кабинете заместителя командира полка на столе уже лежали все документы отражавшие служебное рвение Степана. Через окно светило солнце, бросая первые весенние лучи на полировку столешницы и на зелёного цвета стекло настольной лампы. Представившемуся подпрапорщику предложил присесть и, без обиняков,

спросил, как он отнесётся к предложению продлить службу ещё на один год – до следующей осени. В штабах, видно, рассчитывали, что если будет война -то недолгая. Степан немного помялся и сказал:

– Я бы и не прочь на годок остаться, но невеста заждалась, пишет, что сваты пороги оббивают, да пока поворот получают.

– А ты не спеши… подумай, не отказывайся сразу. Ты у нас грамотен и делу военному успешно обучался, способности имеешь и в подпрапорщики вышел. У нас в армии до сей поры генералы есть, что не образованием, а личными

заслугами и талантами производство своё определили. Тебя можно в военное училище определить со льготами,

поскольку не мальчишка, и в службе отличие получил, в чины вышел и в офицеры быстро выпустят, а пока лишний годок послужи. Если же война случиться – всё одно

мобилизуют. Если жениться хочешь – то это не помеха. У нас в Варшаве старослужащие жён своих содержат. На них содержание деньги от казны отпущены на жилье и прочее. Тебе, как подпрапорщику, жалованье на год отпускается в лейб-гвардии повышенное в 842 рубля, а это раза в два больше чем мастеровому на фабрике. Да ещё корм и одёжка за казенный счёт. В свободное время подрабатывать можно. И дети раньше сроку не рождаются. Так что, с милой

под боком и в отдалении от родни годик перебиться можно, а там и решай. Нам сейчас позарез унтер-офицеры нужны. Полк двумя батальонами прирасти должен. Так что, вот тебе отпуск на три недели – до летних лагерей. Езжай домой, дела устраивай как пожелаешь с милой, а уже потом и поговорим. Степан взял протянутую ему бумагу, где

определялся и срок и содержание на отпуск и проездные документы.

– Ступай, голубчик, деньги получи и поспешай. Степан, не веря своей удаче, как на крыльях, полетел устраивать своё убытие в отпуск. Деньги, полученные в полковой кассе, и свои сбережения: от непритязательности, доплат за чин и удач за карточным столом, позволили запастись подарками для всех из столичных магазинов. Старый сослуживец, зная заботы Степана, посоветовал купить невесте платье и нижнее бельё, утверждая, что такого как в Варшаве и в Париже не во всяком месте сыщешь. Он то знает, что посоветовать дружку, поскольку исправно подружку свою польскую обряжает. В дальнюю дорогу на поезд из Варшавы – нашёлся попутчик из полка которому до Самары следовало добираться. Поезд скорый и за пять суток должен был доставить отпускника до Уфы. В долгом пути с однополчанином за разговорами о доме, службе и мировых делах поезд летел быстро, но хотелось Степану, часто вынимающему свои часы, чтобы и время летело быстрее. Стрелка на часах Степана двигалась слиш-

ком медленно, зато часы мировой истории спешили отсчитать последние недели, когда люди, в большинстве своём, жили ежедневными привычными заботами далёкими от будущих великих потрясений, перевернувших их представления, судьбы, уничтожившие миллионы жизней, родившие

революции: в политике, экономике, сознании. Химеры рождали страшные сны, которые однако померкнут с той явью, которая обрушится на хрупкое человеческое сознание и слабую человеческую плоть только в сумасшедших

головах немногих провидцев предсказывавших всемирную бойню. На бумагах уже были расписаны миллионы тонн

смертельного металла, который был выплавлен, чтобы

корёжить, рвать и убивать плоть. Подсчитывалось и пушечное мясо, что должно было кормить ненасытную

пасть самого страшного зверя – войну. Тысячи лет писаной
истории почти не знали лет, когда этот зверь не требовал
жертв. Божество войны было одним из самых почитаемых
у разных народов. Неужели этот зверь живёт в людях?
Почему разумные существа не могут найти иной способ
существования? Уж, если нужно приносить жертву
кровожадным богам – то, не лучше ли последовать
предложению русского императора Павла Петровича, что
слыл сумасбродом и фантазёром, – сражаться в честном
поединке правителям, а дуэль и решит кто прав и получит
приз. Наивный император был убит за то, что хотел
подружиться с императором Наполеоном, воевавшим со
всей феодальной Европой под водительством буржуазной
Англии и не понял, что его благородные побуждения в мире
в котором он жил, обречены на смерть. Бог войны ждал
новых жертв. Двадцать лет грохотали в Европе войны,

что возбудила Французская революция, и что унесли миллионы жизней. Французская гвардия печатала шаг по

мостовым Мадрида, Берлина, Вены, Милана, Варшавы,
Москвы, но закончила свой путь на картофельных полях
в Бельгии. Русский солдат, от сожжённой Москвы, дошёл
до Парижа, явил чудеса храбрости под деревней Бородино
и в «Битве народов» под Лейпцигом.
Степан освоил эту профессию, но не связывал свою
будущую жизнь с ней. Вагонные колёса отстукивали на
стыках мирную дробь. Вагоны с армейскими солдатскими
теплушками стояли на запасных путях.

Каждую ночь, по пути домой, во сне являлась Мария. Степан поглядывал на часы и гнал свои мысли домой, где весна открывала новый сезон возрождения земли к новым заботам и работам, заполняющих смысл жизни – сей, работай, расти, люби и радуйся! С людьми, менявшимися в купе, быстро находил общий язык и мог поддержать любой разговор, чувствуя, что его годы службы добавили ему новых знаний и развили духовно. Навыки новые – управлять людьми и общаться, пристрастие к чтению, помогали ему лучше налаживать контакты с людьми. Попутчиков интересовало: как в армии дела, будет ли война и с кем, возможно, придётся сразиться, если, не дай бог, беда эта случиться. В том, что война будет, многие сомневались. Один так и заявил, что если япошка нас побил, то нам соваться незачем; чего мы в той

Европе забыли. Нам своего добра хватит с избытком и за деньги французские нечего лить кровь русскую.

(Справка. Военный бюджет России при росте экономики на 7—8% в год.

1909 год – 550 982 956 рублей,

1910 год – 527 976 836 рублей,

1911 год – 534 634 626 рублей,

1912 год – 580 722 386 рублей,

1913 год – 591 088 186 рублей.

В авиации насчитывалось 263 самолёта из них два «Ильи Муромца» – самых больших в мире с размахом крыльев 31 метр, на четырёх моторах, скорости около 100 км. в час, дальностью полёта 400 километров, экипажем в 4 человека при 2-х пулемётах и 300 кг. бомб. Дирижабль «Кречет» с экипажем до 20 человек, имел в длину 163 метра, при восьми моторах, мог находиться в воздухе 30 часов на высоте до 6000 метров с тремя пулемётами и запасом бомб. Радиотелеграф на дирижабле передавал сигналы на 500 километров.

Появилась 11 дюймовая мортира Круппа со снарядом весом в 340 килограмм и прицельной дальностью в 10 000 метров. В 1913 году из призванных в армию каждый третий был неграмотен).

Приближаясь к Уфе, Степан упросил проводника на знакомом полустанке у поворота, где поезд замедлял ход, открыть дверь. Когда серебряная монетка оказалась в руках кондуктора, тот молча кивнул головой и исполнил просьбу. Степан наметил место приземления и, как учили в армии, прыгнул в рыхлый снег прижав вещевой мешок к затылку и, совершив кувырок, встал на ноги. Отряхнул снег. Прошёлся по рельсам, до протоптанной людьми и

лошадьми дороги, под горку к реке. С пригорка разглядел вдали и Черниговку. Дёма была ещё скована льдом и, по нарощенной для переправы дороге, пешим ходом перешёл реку и скорым шагом направился к родному дому. В деревне появились новые постройки. Прямая улица просматривалась на полверсты и была пустынна в разгар дня. После обеда мужики отдыхали, набирая сил на страду или заняты делами во дворе. Мальчишка, выскочивший из подворотни, завидев шагавшего по улице солдата, дал стрекача и помчался с криком:

– Солдат идет, солдат идёт! Из ворот на дороге стали появляться люди. Узнавали Степана, степенно поклоном головы здоровались, не останавливали – знали – спешит к своим, а погостить и поговорить ещё успеется. В деревне все новости бабы обсудят у колодца и разнесут во все концы. Дом Драбков привечал всех и не таился от чужих глаз. Лишь бабка, Авдотья Протасова, подошла к нему и поинтересовалась, не встречал ли Степан её внучка, что служит в Польше (видно знала где служит Степан).

В деревне все о всех знать должны – о чём ещё говорить. Газет нет, книг почти не читают, так и обмениваются тем что увидят, услышат или придумают. Поди разберись – где правда, а где ложь. Известно у кого корова отелилась, кто кабанчика забил, кто пьяненьким у плетня помочился. Что муж с женой дома полаялся, хоть из избы не выходили, известно. Кто и где, с какой девицей свиделся и кто какую обновку надел – не секрет. Старушки, страдающие от

бессонницы и частичной утери памяти, такие сказки

сказывают, что у слушателей только охи и вздохи

исторгаются и головы качаются. Ничего не утаишь от зорких глаз и тонкого слуха, когда собаки лают и по надобности на двор выходить приходится. Тишина такая, что голоса за версту слышно. Степан уважил бабушку.

– Бабуся, нас в серых шинелях в Польше столько ходит, что и счёта нет. А внучка твоего не довелось видеть. Если

встречу, непременно привет передам от тебя, старой.

– Коли встретишь, то расскажи, что мать хворает, а отец водку хлещет, а он, негодник, ни им, ни мне весточек не шлёт. Пусть домой поспешает скорее.

Когда Степан подходил к дому, вся семья уже стояла на улице в ожидании, с запыхавшимся мальчонкой, что донёс весть и ждал заслуженной награды. Письмо о том, что Степан отпущен домой, дошло только через два дня. Первыми, как ласковые собачёнки, узнавшие любимого

хозяина, бросились к Степану сестры, визжа от радости и

размахивая, как куры крыльями, руками. Повзрослевшие и потяжелевшие, но ещё при отце сидящие в девках, они

расцвели и ловили на себе любопытствующие взгляды и

парней и мужиков – женатиков. И старушки, беззаботно

ведущие длинные разговоры и пересуды на скамеечках под

калиной у полисадничков, не ослабляли внимания к расцветающим девицам Фёдора Драбка.

Фёдор не позволял пока и думать о замужестве. Обе повисли на шее у брата, не доставая валенками до снега. Шея Степана выдержала этот груз. Спасать Степана явился

брат Василий, заматеревший на работе с пробивающимися усиками и раздавшийся в плечах. Степан в армии усы не отпускал. Мария, как – то проговорилась, что усатые ей не по нраву. «Усы котам и мышам нужны, а парню не к лицу. Гладкие лица приятнее, а старики пусть себе носят – им не целоваться». Зацеловав Степана, Нюра и Василиса отлипли. Степан зорким глазом отметил, что сестрицы за два года заметно преобразились. «Скоро заневестятся – вон как выросли и округлились».

– Женихи еще пороги не обивают, – пошутил Степан.

Ответа не последовало, но головы, с раскрасневшимися от жаркой встречи щеками, в смущении опустились. «Видать парни ухлестывают». Василий не спеша подошёл к брату, сунул свою мозолистую ладонь в широкую ладонь старшего брата и крепко сжал её являя мужскую силу. Левой рукой Василий толкнул, сильно окрепшего, на его взгляд, брата в правое плечо, чтобы удостовериться в этом. В ответ

получил лёгкое похлопывание от которого качнуло. Во время начавшейся встречи, Меланья и Фёдор стояли у ворот и любовались на детей, которые так скоро превратились в ладных молодцев и девиц, которым скоро строить самим свою жизнь и ладить свои семьи. А, ведь, кажется совсем недавно они их качали в колыбели и сажали на колени. «Как быстро жизнь летит? "Как радовались Фёдор и Меланья колосящемуся пшеничному полю и цветущему по весне саду, что за эти годы вырос у дома. В каждом из своих детей они чувствовали ту благодать, что подарил им на тихое счастье творец, которому они посылали свои молитвы, чтобы пережить горечи и трудности посылаемые жизнью на грешной земле. И счастье это они умножали своими руками на земле, которую обрели вдали от многих своих предков. Фёдор с Меланьей обрели покой. Сил на труды крестьянские ещё хватало. Дети росли послушными, здоровыми и работящими. Хлеб родится! Солнышко каждый день всходит, светит и греет! Что еще нужно человеку? Подвинув Василия в сторону, Степан подошёл к родителям и поклонился. Обнял мать, уронившую слезу, молча с любовью рассматривавшая своего приёмыша Степана и младшенького, появившегося на свет нежданно во время летней страды в поле, где Меланья вязала снопы. Наклонившись в очередной раз, она почувствовала недомогание и тут же у снопов, под присмотром опытной сельчанки, которую Фёдор быстро отыскал на ближайшем покосе, испуганная и растерянная, крича и молясь, произвела первенца. Фёдор снял нить с нательного креста, чтобы перевязать пуповину и снял рубаху, чтобы завернуть сына. Случайная повитуха передала первенца отцу ошалевшему от счастья и поднявшего на руках новую жизнь к солнцу. Затем он долго сидел около Меланьи, что прижала маленькое тельце со сморщенным красным личиком к набухшей розовой груди и после криков и переживаний блаженно улыбалась. И сейчас она молча с улыбкой и любовью смотрела на своего первенца, за которого боялась до сих пор, которого родила в муках не испытанных ранее. Степан, появившийся

в семье немного ранее Василия, в тяжкую годину в результате трагедии, пробудил в Марие материнские чувства, которые она щедро дарила всем четверым, но первые роды и жгучая боль и переживания оставили неизгладимый след в душе Марии. Первые материнские слёзы появились не от боли, а от ощущения, что боль тихо уходит, а материнское счастье приходит вместе с тёпленьким тельцем, орущим и тянущимся губками к её набухшей груди.

Девочки явились одна за другой без страха и криков. Меланья тихо стонала и тужилась, чтоб дитя легче являлось

на свет божий. Всех детей Мария любила, никого не

выделяя. За Степана Мария волновалась меньше, зная его рассудительность и спокойный нрав, а Василий был нрава лёгкого и самостоятельности в делах не проявлял.

Мать сразу отметила те изменения, что произошли со старшим сыном за годы расставания. Его движения, взгляд и вся фигура свидетельствовали, что вырос настоящий мужчина. В военной форме он выглядел для матери непривычным и более взрослым. Когда Степан обнялся с отцом, пощекотавшим его небритым лицом с начавшей седеть густой бородой, Меланья отметила, как оба они похожи повадками и нравом и как крепко она их любит. Две крупные слезы покатились с новой силой по ещё гладкому лицу, с новой силой пробуждая воспоминания по

пережитым годам, где всякое бывало – и хорошее, и

нелёгкое. Жизнь может быть нелёгкой, но не может быть плохой и об этом Меланья знала от своих предков, своего опыта и чтения «Евангелия». Фёдор, почмокав сына в губы, как когда-то Меланью, отстранился от Степана и спросил, глядя на погоны:

– Это в каких же чинах ты царю служишь?

Степан не писал о своих продвижениях по службе, но тут отчитался:

– В унтер-офицерах, подпрапорщиком, далее только в офицеры производство идёт, только для того образование необходимо.

– У нас в деревне только один до унтеров дослужился -Тихон Ветошкин, что в японскую войну ногу потерял, а офицерами и не пахло, – молвил Фёдор. -Значит уважают командиры тебя. Хватит топтаться на снегу, давай, сынок, в дом заходи.

Василий подхватил туго набитый, защитного цвета, новенький вещмешок, на который уже положили свой зоркий глаз сёстры. Меланья, взяв за руку высоченного

сына, степенно ввела его в дом. Фёдор сказал собравшимся соседям, что вечером ждёт в гости. Кто- то, из догадливых соседей, снарядил гонца в Боголюбовку за водкой.

Сняв шинель и глянув в зеркало, Степан предстал перед семьёй в полном гвардейском параде со всеми знаками отличия на груди и погонах. Осмотрев дом, Степан перемен не отметил, только во дворе явился новый сруб летнего домика, где, видно, обитали девицы с приходом тепла, да баню покрыли железом. Василий поставил вещмешок на стол. Нюрка с Василисой примостились рядом и замерли в ожидании. Степан неспешно развязал хорошо уложенный, непромокаемый мешок и стал доставать подарки из польских земель. Девицы, широкими улыбками обласкав Степана, получили два цветастых платка и отрезы лучшего в Европе ситца, новомодного – белого в горошинку, для кофточек и платьев и серебряные серёжки с бирюзовым камешком. Василиса опять бросилась обниматься, а потом закрутилась у зеркала. Нюра так обхватила Степана, что чуть не свалила его, когда он наклонился над мешком и с самого дна хотел достать ещё и гребни с зеркальцами. Тугой грудью она навалилась брату на плечо, а потом расцеловала в глаза. На том страсти кончились. Мать, с тёплыми повлажневшими глазами, получила тёплый зимний платок и, кроме цветастого ситца варшавской

мануфактуры, ещё и отрез на юбку (мать шила на себя и детей сама и слыла на селе мастерицей, а семья могла похвастать не только большим медным самоваром, но и швейной машинкой немецкого производства"Зингер», что Фёдор сумел приобрести в городе на четвертый год обустройства, когда по осени собрали хороший урожай и завершилось обустройство

усадьбы. Тогда Меланья обласкала мужа жарче, чем дочки брата. Меланья ещё раз смахнула слезу краем платка. Последними, терпеливо,

с достоинством, дожидались своей очереди Василий и отец. Оба получили атласные рубахи- голубые и малиновые с поясками и набор инструментов для отбивки и заточке косы. На дне остался только свёрток с флаконом духов и варшавской моды белая кофточка, с европейской

галантереей, рекомендованной товарищем и

приобретённой после долгих расспросов продавцов- каких размеров его пани и, что она предпочитает. Продавцы в варшавских дорогих магазинах знали русский язык.

С расспросами о службе не приставали- вечером будет разговор, а пока начались радостные хлопоты, как лучше ублажить отпускника, свалившегося как снег на голову. Василий топил баню и хлопотал во дворе. Отец пошёл созывать на вечер гостей. День был субботний, банный. Василиса с Нюрой сновали по дому, наводя порядок и в горнице и на кухне. Меланья присела на койку с подарками на коленях и думала о своём. « Ладно у них с Фёдором жизнь стала складываться в последние годы, а как маяться приходилось? Скоро Степана выделять надо будет, новая семья зародится». Мария ей нравилась и характером

спокойным, и мыслями чистыми, и руками умелыми. Часто они зимой засиживались в доме Фёдора, говорили о новостях деревенских. Мария обучалась строчить на «Зингере». Сёстры Степановы души не чаяли в Марии и почитали её за старшую. Вместе читали письма от Степана домой. Писал он родным скупо и письма эти заметно отличались от того что получала Мария. Чем больше длилась служба, тем пространнее и радушнее становились письма и девушка удивлялась, что немногословный Степан может в письме излагать свои чувства теми словами, которые она ещё не слышала, но страстно желала, ждала и, наконец, дождавшись, боялась потерять это призрачное счастье. В отсутствии Степана, она много думала, оценивая своим небольшим жизненным опытом, то что знала о труд- ностях семейной жизни. Если в своей семье все нелады решались миром и взаимным согласием, а её отец был покладистым, а мать отходчивой и любящей мужа и детей супругой, то на виду в деревне были и те, кто не хотел выносить сор из своей избы и те, кто семейные дрязги и неурядицы выбрасывали как мусор на всеобщее обозрение и обсуждение. Мария не могла себе представить, что в их

сложившихся отношениях со Степаном возможны

непонимания и измены, но её тревожили мысли о том как сладится их жизнь. Алёна сердцем чувствовала

переживания дочери, боящейся, что с любимым в армии могут произойти перемены, и предсказать будущее сложно, ненавязчиво, исподволь посвящала дочь в сложности семейной жизни, да и Меланья, воспринимавшая Марию как невестку, вводила её в сложности семейных отношений. Вывод был прост – если есть любовь, то- будет и в жизни лад, а если сосуд разбить – то его уже не склеишь, как

глиняный горшок.

Секрет крепкой семьи прост и давно известен всем, кто соединён брачными узами, освящёнными небесами свыше и понял, что терпение, совместные заботы о общем благе, а главное – любовь и есть тот волшебный ключик, что

открывает дверь дома, где поселяется семейное счастье, где правит богиня Лада, где живы слова Иисуса Христа – «Бог есть любовь!» Беден и убог человек не познавший тайн

любви к жизни, женщине, детям, природе, родине, людям,

богу. Любовь возносит человека к вершинам мысли и

жизненным свершениям. Любовь к благам может бросить

в пропасть безумств и страстей. Любовь к женщине- чувство особое, которое может возвысить и низвергнуть в ад.

Чувство это такое сильное, что способно победить все иные ипостаси любви. Мудрая природа наделила этим чувством человека, чтобы и разумная жизнь оставалась вечной, при бренной и короткой жизни людей. Только безумие, в виде войны людей против природы и людей между собой, может убить любовь и Мир, где разумные существа не смогли понять своего предназначения – рождать детей в любви, растить их к своей радости, но, даже война, вызывая ненависть, не может убить любви, прорастающей в каждом новом человечке, рождающемся в материнских муках.

Удивительное чувство живёт в каждом человеке, пока живёт в нём чистая душа.

****

Возвращение в родной дом после долгой отлучки

вызвали в душе Степана бурю чувств. Близость родных и

скорая встреча с Марией влили в его душу, не огрубевшую от серой казарменной жизни с маленькими радостями и,

благодаря Марии и скромным усилиям Веры Фёдоровны,

чувства неведомые ему ранее. Расставание обострило и

усилило любовь к близким ему людям. В его душе цвели цветы и пели соловьи, а на улице ещё не растаял снег и ясное небо сулило ночной морозец. Пребывание в Варшаве

и жизнь в элитном полку, оказалось, только обострили его

чувства привязанности к родному дому, селу с его людьми,

тихой темноокой речке Дёме, ставшим родными, пожитям,

маленькому кладбищу, где нашли вечный покой несколько первых переселенцев. Жизнь Степана текла как тихая река, наполняющаяся ручейками и несущая свои воды в тёмные

глубины бескрайнего моря. Весной река забурлит и понесёт

свои воды, вливаясь в другие реки в море, где ветры носят

шторма, непредсказуемые и опасные.

Степан накинул на плечи шинель и вышел во двор. Стал осматривать хозяйство. Под навесом покоилась телега с новыми колёсами. Василий запрягал лошадь в сани. Баня топилась, пуская белый дым берёзовых дров в синеющие небеса и разнося знакомые с детства запахи. В сарае шла своя жизнь- простая и заведённая природой. Корова под навесом лениво жевала сено, которого с запасом было и под

крышей, свинья терла спину о загородку, насытившиеся овцы лежали на соломе, куры сидели на шестке, во дворе,

у весенней лужицы, громко гоготали гуси. Все мировые катаклизмы и социальные потрясения обходили, пока, этот уголок земли стороной. Природа определяла больше всего мирное течение привычной жизни, ещё мало затронутой, скачущей вперед лошадиным галопом цивилизацией, всё больше втягивающей сонную деревню в городскую круговерть, несущую свои достижения и проблемы. Степан видел на военных манёврах, как быстро меняется армейская жизнь. Учёные мужи, с прогрессом наук, давали в армии невиданное оружие и технику, а на селе всё по старинке.

Сеялки, веялки и молотилки с тракторами были только на картинках, да в редких крупных имениях. Конная косилка

и та была в диковинку в Черниговке. На неё сбегались посмотреть как на чудо кинематографа в городе. В углу под навесом покоился сверкающий плуг. Степану захотелось взяться за чапиги, вдохнуть запах земли и провести борозду

под тёплым солнышком на свежем ветерке. Только в летних лагерях Степан чувствовал себя тесно связанным с природой и свободным от тяжёлого духа казармы и постоянного окружения людей в серых шинелях у которых одна забота – прожить ещё один день. Работу воен-

ную, наверное, трудно полюбить, так, как труд, где сразу видны плоды несущие людям пользу. Работа эта- не каждому по силам. Строго расписанная уставами, военная служба

формирует в человеке чувство ответственности за себя и своих товарищей, коллективную спайку, где у каждого своё место и где долг властвует над чувством. Какую пользу несёт ратный труд Степан не мог понять. Разум его

воспринимал уроки и наставления командиров, но чувства противились этому. «Неужто нельзя обойтись без войн и людям на земле жить в мире и благополучии? Кому нужна война? Мне не нужна! Спроси всех в деревне так и им не нужна. А трудящемуся человеку зачем война? Вот офицеры на Балканы ездили воевать, так им деньги платили. Может и есть такие, что за деньги или награды и хотят кровь лить, так пусть бы между собой и мутузились пока не надоест, а зачем же человека от мирных дел отрывать. То ли дело -пластать землю под новый посев, ощутить на взмокшей спине тепло солнечных лучей, слышать щебетание птиц и крик петуха на заре, а не побудку горна ото сна на новый день бряцания оружием и бесконечными физическими занятиями. Это сколько же я в армии земли перелопатил и всё без пользы для неё? Приятнее огород копать, чем в окопе от смерти прятаться.» Смущало одно- отчего он сам

в деревне на кулачках на потеху с другом бился и что

сидит в человеке, что заставляет его не бояться боли и

крови.

Увидев у бани поленья, что колол Василий, и

сверкающий колун, Степан скинул шинель и принялся за привычное дело. Подмёрзшие берёзовые поленья

разлетались со звоном и вскоре образовали приличный холмик. Тело, закалённое походами и водами Вислы не

чувствовало усталости и вскоре Степан уже не мог глазами отыскать чурбака. После учений и походов, упражнений с оружием чувства возвращали его к привычной жизни. Собравшиеся, невесть откуда, деревенские ребятишки толпились у шинели, что висела на жерди изгороди, смотрели на гвардейца в необычной форме и не решались задавать вертевшиеся на языке вопросы. Степан с улыбкой посматривал на них и усердствовал всё больше. Самый шустрый стал, без спросу, подтаскивать чурбаки из сарая. За ним потянулись и другие. Намахавшись колуном как следует, заглянул на кухню испить воды и выгреб из кулька, что вытащила Нюра, горсть конфет и прихватил несколько, с пылу, с жару, пирожков и донёс их до ребятишек.

Завязался вполне взрослый разговор. Степан говорил на темы армейские, а ребятишки порассказали ему

деревенские новости, что по их малому разумению могли заинтересовать солдата. Услышал и такое, что и взрослые не знали.

Когда вернулся Василий, вдвоём отправились в баню. Степан вволю нахлестался дубовым веником в жарко натопленной бане. Давно он не чувствовал себя так хорошо, как лёжа на полке под нещадными ударами, вдыхая горячий влажный воздух. Запах бани заполнил и весь двор и улицу. Братья голышом выскакивали из бани на зады и натирали друг друга снегом. Избитое веником, разогретое,

покрасневшее от жара тело, выдавливало из себя лишнюю влагу, очищалось от солей и становилось невесомым.

Холодненький квасок остужал его изнутри и приводил в состояние неги. Упругое, мускулистое тело брата оценил и Василий:

– Эко, тебя братец, в солдатах то выковали, как нашего жеребчика!

– Попадешь ко мне в армии, я из тебя жеребца выкую и на подмётки сапог подковы набью, чтобы шибче бегал, -отшутился Степан.

– Мне армия ни к чему, мне и в деревне хорошо. Ты за меня солдатскую лямку оттянул, я при батюшке должен быть и не царя, а матушку беречь.

– Так то оно так, а что ежели война, то и матушка не спасёт. При нужде загребут и батюшки не спросят. Мне думаешь чего погоны подпрапорщика повесили. На Балканах за два года две войны отгрохотали. А если нас затронут- куда тебе деваться, кроме, как ко мне бежать. Я- то, тебя под защиту возьму – только три шкуры с тебя спущу, чтоб домой живым к матушке вернулся. Французы почему деньги царю ссужают на армию, чтобы русский штык их от немца берёг и не вспоминают что два Наполеона-императора два раза Россию разоряли. А тут ещё австрияки и турки на нас зуб точат- подзабыли как мы их бивали. И офицеры наши намёки шлют, что неспроста немец корабли на воду спускает и пушки новые льёт. Я, газет то поначитался и не верю, как ты, в жизнь спокойную. Покою нам не дадут. Сильными надо быть, чтоб в наш дом не сунулись. Может и бог даст, пронесёт, ежели мы в союзе и немец дуриком не попрёт. Полк на краю империи стоит рядом с немцем и австрийцем и отовсюду беда грянуть может. Командир мой присказку имеет: «На бога и царя надейся, а ус крути и шилом брейся» и никому спуску не даёт, напоминает, как японского микадо шапками закидали и кровью умылись и из Китая убрались, да еще пол —Сахалина, куда каторжников ссылали, отдали.

– Уж шибко грамотный ты стал братишка.

– Мне начальство предложение на сверхсрочную службу сделало остаться, и не мне одному. Чувствую, неспроста это.

– И что же ты думаешь?

– Вот меня и отпустили домой подумать и

посоветоваться. Жалованье хорошее предлагают и семью содержать и при себе иметь можно, и в офицеры, подучив, готовы ускоренно произвести. Что Василий посоветуешь?

– Мой совет твоей голове не указ, что пожелаешь, то и делай, а мне и здесь хорошо. Земли вдосталь, хозяйство крепкое, девицы на меня глаз косят и охоты бросать дело или в город подаваться нет. Да и знаю я, что от своей зазнобы у тебя намерений бежать нет и землю ты любишь не меньше меня.

На улице зазвенели колокольцы, заржала лошадь. Василий вышел в предбанник, высунул верхнюю часть туловища, озирая двор. Когда вернулся в баню, на вопрос Степана: -Кого там бог прислал, -только хитро улыбнулся и уложил брата на полок. Так поддал пару ковшом дубового настоя, что жара обожгла уши и спину и плечи. У Степана перехватило дыхание, но он перетерпел эту муку, но, когда брат дважды ожег его спину веником, сполз на пол.

– Видать отвык ты от настоящей бани, – подытожил купание Василий.

– Считай три годочка такого пару не видывал.

– Отдышись, а потом опять залазь.

Потом Василий, помахивая широким веником над спиной и задом Степана, погнал пот крупными каплями на полок. Веник мягко прошёлся от ступней до шеи и потом все сильнее и сильнее стал обжигать тело, оставляя на нем

красноватые следы.

– Это тебе, братец, бой, чтоб помнил меня на службе и не звал туда.

Когда Василий, присев от жары, понял, что пора

прекратить эту экзекуцию, а Степан стоически выдержал это, тело мученика содрогнулось – ведро ледяной воды

обрушилось на него, пронзив словно тысяча иголок.

Василий хохотал от своей проказы, а Степана словно взрывом подбросило в воздух. Он ударился головой в потолок, соскакивая с полка и локтем угодил брату в

лицо. Хохот прекратился, а Василий растирал припухлость под глазом, что быстро окрашивалась в лиловый цвет.

– Вот так встретились!

Степан, ещё не видя результата столкновения, хотел в

шутку кулаком двинуть брата, но ощутив невероятную лёгкость в теле и, глянув на лицо Василия, расхохотался сам. Степан вспомнил как отец, ещё мальчишкой, хлестал его так от всяких болезней не слушая вопли матери и выгонял бегать по снегу, а сам валялся в сугробе. Василий заглянул в глаза брата, покрасневшие от банного духа, сообщил:

– Поспешай в штаны влезть! Данила со своим семейством

на тройке с бубенцами, как на свадьбу прикатил. И твоя краля с ним расфуфыренная, только что осталось губы накрасить и щёки напудрить как у городских барышень.

У Степана сердце застучало так, что было видно как мышцы ходят на груди. Заблестели глаза и по лицу расплылась улыбка. Успокаивая себя, Степан долго насухо обтирался полотенцем. Натянул порты от парадного мундира и чистую домашнюю рубаху, что оказалась узка в плечах и сунул ноги в тёплые валенки. Пригладил волосы рукой, потопал валенками на крыльце… В сенях глотнул из ковша воды со льдинками, остудившей грудь и

успокоившей бешеное сердцебиение.

Когда Степан вошёл в дом, стол уже был накрыт, пыхтел самовар и стояла корчага с квасом. Иных напитков,

что горячат кровь не предусматривалось. Мясо и пироги были на столе. Данила с Фёдором вели свой разговор за столом, а Алёна с Меланьей шушукались на скамье у печки о своём. Две девицы сидели у окна на скамье и смотрели на дверь. Степановы сестры, с новыми платками на плечах и с бирюзовыми сережками в ушах (когда только успели уши проколоть) прекратили разговор когда открылась дверь. Степан же глазами искал Марию, чьё появление оказалось таким скорым и неожиданным. Степан сам собирался с утра следующего дня наведаться в Боголюбовку. Он не знал, что сразу два гонца-доброхота известили Данилу и прикупили водки, на всякий случай, а потом объявился и Василий, спросил давно ли получали весточку от Степана и сообщил, что гвардеец прибыл в Черниговку в отпуск. Весть эта так поразила Марию, что она долго не могла сообразить, что теперь делать и, что это значит для неё. Отец с матерью захлопотали. Когда Данила сказал, что надо собираться к Драбкам в гости, Мария растерялась ещё больше. Долго рылась в своём сундуке, перебирая наряды; подошла к зеркалу, в очередной раз пеняя на припухлость и сравнивая себя с польской красавицей с открытки присланной Степаном на последнее Рождество. Сама себе она казалась противной. Сердечко выпрыгивало из груди, мысли путались в закружившейся голове и в сознании музыкой звучало:

– Милый! Приехал! Увижу!

Всю дорогу, сидя в санях, Мария ожидала эту встречу с нетерпением и робостью, хоть в последних письмах

Степан находил новые и ласковые слова, которые она не слышала от него в давно ушедших свиданиях. Услышав, как кто-то потопал валенками на крыльце и притворил дверь в сенях, Мария напряглась. Она сидела одиноко за печкой, что обжигала её спину, мяла в руках платочек, поправляла нервно то волосы, то кофточку. Услышав, как открывается дверь в горницу и Степан, с порога, громко поприветствовал гостей, девушка встрепенулась,

побледнела и чуть привстала. Степан ещё раз

поприветствовал гостей поклоном и водил взглядом по горнице не находя Марии укрытой за печью. Пока Степан соображал, где она может быть, отец сказал:

– Давай, гвардеец, обрядись и за стол, а то девицы уже

притомились, чтобы на тебя глянуть при полном параде.

Да и у нас с Данилой к тебе вопросы имеются. По пути за перегородку, Степан вертел головой и обнаружил предмет своего внимания. Мария, выдохнув из груди воздух,

с облегчением присела. Одним взгядом на суженого она определила своим девичьим сердцем-«Мой!» Пока Степан обряжался в привычное своё одеяние и приводил себя в порядок, явился с синяком под глазом Василий и все, кроме хозяйки, стали рассаживаться за столом: Фёдор рядом с Данилой, Василий с девицами по одну сторону стола, Алёна рядом

с Марией. Два места по правую руку от Марии были свободны. Когда Степан, при полном параде, вышел из-за занавески девицы приоткрыли рот, а Данила

одобрительно крякнул и покачал головой. Мать усадила сына рядом с Марией, а сама вынесла графин с вишнёвой жидкостью из собственного урожая вишни и присела рядом с сыном. Отец и Данила сидели под образами и, встав, перекрестились вместе со всеми остальными. Начало застолью было положено. Мария ощущала плечо Степана и старалась унять мелкую дрожь в коленях. Руки Марии покоились на коленях под столом и теребили платочек. Уняв волнение, подняла глаза от стола и направила их на лицо Степана, окрашенное в розовый цвет- то ли от бани, то ли от смущения, что все смотрят на него. Повернувшись в сторону Марии, Степан опять утонул в её глазах, ожидавших чего-то доброго и долгожданного. Светлые, повлажневшие глаза излучали тепло и свет и призывали к нежности и ласке. Степан почувствовал как в его тело вливается это тепло и уносит его душу на неведомую

вершину к вратам земного рая.

Весь длинный разговор о службе, о Польше и всём ином, томил и Марию и Степана и они только искали возможности выйти из за стола, где уже выпили и вишневку и два самовара чая с мёдом, что привёз Данила.

Опробовали всё, что являлось на столе с помощью быстро снующих сестёр Степана. Мать, пригревшись у плеча сына, улучила момент и шепнула что-то на ухо сыну, на которого не переставала любоваться. Степан зарделся и, когда мать вышла из за стола, взял под локоть Марию и осторожно вывел из за стола. У вешалки он накинул шинель на плечи Марии. В тёмных сенях девушка крепко охватила шею Степана и, встав на носки, слила свои пухленькие розовые губы с тонкими губами Степана, прислонив его к стене и прижавшись к его груди. По её телу прошла дрожь. Степан ощутил спиной холод стены и крепче прижал девушку к себе. Так они простояли несколько минут. Затем Степан оторвал Марю за талию от пола и заключил в крепкие

объятья. Девушка покрывала всё его лицо поцелуями жаркими как пар в бане, выдыхая при этом:

– Мой! Милый мой!

От такого напора Степан растерялся. Чувствуя жаркое тело (шинель свалилась на пол),которое трепетало в его руках и в которое вонзились его полковые отличительные знаки и тикающие на груди под мундиром карманные часы, Степан осторожно поставил Марию на пол, поднял шинель и, завернув в неё тёплое тело Марии, невесомой и ждущей любви осторожно направился в тёплую баню. В темноте уложил покорную Марию на шинель постланную на полке. В темноте ощупывал её тело, которое пытался освободить от лишней одежды, тяжело дыша мял тугую грудь, не знавшую галантереи, и искал нежно своими тёплыми губами любимые глаза, губы, щёки, волосы. Мария крепко обхватила Степана за плечи, откинула свою голову, и ждала ласк. Это наваждение окончилось совершенно неожиданно.

Вдруг страшный грохот, как показалось Степану, разорвал и крепкие объятья двух влюблённых и сонный покой тёплого убежища. Гром небесный, как разрыв тяжелого снаряда на военных учениях, отбросил Степана от Марии. Это пустое ведро, слетевшее со скамьи загрохотало и напомнило пережитое и обдуманное ранее. Вспомнился и разговор по пути в отпуск, когда в разговоре о военных конфликтах с попутчиком- гимназическим учителем

истории, Степан выказал мнение, что Германия не

отважится напасть на Россию; тот разбил все надежды Степана:

– Не для того прижимистые немцы кричали, что нужны пушки вместо масла и затягивали пояса. За хлебушком и маслицем они к нам вломятся и непременно в этом году.

Поверь мне, бравый гвардеец, я все их истории знаю.

Степана как обухом по голове ударило: «Что же я делаю? А если война? Сколько калек, сколько смертей? Немец- вояка знатный, французов побивал! Как же ей жить если…? Нет!

Нет! Остановись Степан! Распрямляя тело Степан опять ударился головой в потолок. Мария отметила перемену в Степане и взволнованно, тяжело дыша спросила:

– Что с тобой, милый? Степан взял Марию, как маленькую девочку, сел на скамью и посадил себе на колени трепещущую Марию, обхватив её руками. После долгой паузы прохрипел:

– Не могу без родительского благословения! Потерпи, голубка, немножечко. Служба кончится, а там бог поможет и жизнь покажет. Я приехал поговорить с тобой и родителями, как нам быть. Вот когда обвенчаемся, тогда и о детях думать надлежит. Мне предложение сделали в армии ещё на год остаться и жалование предложили, что семью содержать сможет. У меня большой охоты нет, а что ты скажешь?

– С тобой хоть куда. Что скажешь, то и исполню.

– Тогда послушай меня. К осени служба моя кончается. Бог даст скоро свидимся. Там по – божески и родительски всё вместе с тобой и решим. Ни мои, ни твои родители

против не будут.

– Потерплю, потерплю Стёпушка. Уж как я заждалась! Обними меня покрепче! Степан сжал Марию в своих объятьях, от которых у неё остались следы на нежном теле.

– Слышишь как моё сердце стучит и часы твои время отсчитывают. Во мне сомнений не имей. Одну тебя любил и любить буду.

Раньше Степан предположить не мог, что способен выдавить из себя это признание не только глазами или руками, строчками письма но и словами- нежными и тёплыми, которые полились на Марию из его уст. Не зря начитался Степан разных книг, сидя в библиотеке с мечтаниями о доме и Марии. Это открытое, наполненное

прочувствованными в долгой разлуке сокровенными и такими важными словами признание, так взволновало Марию, что тихие слёзы омыли её глаза, щёки, душу и капали на грудь.

Долгое отсутствие в доме молодых не вызвало лишних вопросов. Разговоры за столом текли своим чередом.

Степан и Мария, держась за руки, сидели с порозовевшими лицами за столом не прикасаясь к пище. Степан вяло и

односложно отвечал на вопросы. Василий сидел за

столом бочком и синяк под глазом наливался лиловым

цветом. Когда мать спросила отчего появилось такое

украшение, то он весело ответил:

– Да вот брательник меня ещё подарочком на радостях

угостил, да ещё и обещался меня делу своему обучить.

Говорил что война к нам может заявиться и тогда все под одну гребёнку в армию под фанфары могут загреметь.

У Марии от этих слов холодок пробежался по спине в жарко натопленном доме, ёкнуло сердце и закружилась

голова.

Разговор сразу оживился и переключился с проблем деревенских и бытовых на проблемы мировые. Данила,

допытывался о том, попрёт ли германец на Россию или с

англичанами войну завяжет; отец грустно сидел в раздумье, Меланья и Алёна перекрестились и зашептали молитвы.

Мария вцепилась мёртвой хваткой в руку Степана и нутром

поняла отчего любимый так испугался грохота пустого ведра. В душу и мысли её ворвался страх, страх который

она испытала в детстве, когда в страшную грозу дрожал

дом, зигзаги молний вонзались в землю, а раскаты грома

рвали ушные перепонки. Громадный осокорь, растущий у

реки, от удара молнии горел как свечка. Отец тогда взял Марию на руки и, прижав к себе, гладил её головку, а мать на коленях стояла у иконы и била поклоны творцу, прося спасения от беды. Самая страшная беда в деревне —это пожар. Он убивает и людей и животных, уничтожает добро накопленное поколениями. Вор унесёт малую часть, пожар уничтожит всё. Война- великий пожар, а война Мировая- сродни всемирному потопу, где спаслось лишь семейство праведника Ноя. За какие грехи бог посылает эти испытания разумным божьим тварям, зачем наделил жизнью? Жизни вечной никто из земных людей не видел, а веруют в неё не все. Разум человеческий мечтал постигнуть тайну бытия и обрести бессмертие и рождал в сознании великих умов открытия и заблуждения. Блажен кто верует, что есть Бог. Христианин живёт заветом Иисуса, что Бог- есть Любовь.

Люди, рождённые в любви и в любви воспитанные и несущие любовь через всю жизнь – самые счастливые люди на грешной земле. Как же быть, если в одном человеке могут жить любовь и ненависть? Сколько на Земле святых и как искать дорогу к святости?

Слова о возможной войне повергли Марию в ужас, как в грозу. Её мысли, её плоть, предназначенная рожать, а не убивать, противились призраку войны бродившему по миру. Она испугалась, что сможет потерять любимого. Мысли путались в голове: «Что теперь делать? Как быть?» Ответ не находился.

Отец задал Степану прямой вопрос:

– Чего ж тебя в такое горячее время в отпуск отправили; службе твоей скорый конец должен быть.

Степан изложил суть дела.

– Так что же ты намерен делать, – спросил отец.

– Домой меня батя тянет. Конечно, – кому и армия – дом родной. Жить по приказу, на всём готовом – попроще и хлопот поменьше, а война явится- так присягу исполняй. Только мне земля ближе и, хоть уговаривают меня ещё на годок службу продлить и блага всякие обещают, но думаю вы не против будите, чтоб я вернулся.

Данила и Фёдор, не сговариваясь, закивали головами, одобряя намерения, У Марии немного отлегло от сердца. В её душе крепла надежда на скорое возвращение и, что бог сбережёт мир от страшного смертоубийства.

В темноте прозвенели колокольчики и семья Данилы отправилась в обратный путь, пригласив Фёдора с семейством к себе с ответом. Мария прижимала к груди свёрток – где покоились подарки от Степана. Три дня Степан гостил дома, переговорил со всеми знакомыми. Каждый день, походным шагом, спешил на свидания с Марией и, никого не таясь, брал её на людях под руку. Три самых счастливых дня его жизни пролетели как миг. Надежда на недолгую разлуку и скорую встречу грела два сердца, которые с нетерпением ожидали много долгих счастливых дней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поезд мчал Степана вновь к солдатскому братству с твёрдым решением- вернуться быстрее к земле, к мирному труду. Только этому можно служить всю жизнь, проливая пот и кровь, и это достойно такой же любви, как любовь к матери, женщине и детям. И не укладывалось в голове, что найдется такая сила, которая сможет оторвать от всего этого. А сила такая нашлась. Война! Уже стучали по рельсам колёса двигавшие армии людей в серых шинелях к местам, что на штабных картах значились театрами военных действий. Колеса вагона, что нёс Степана в родной полк отсчитывали последние недели мирной жизни.

Казалось бы- всё естество человека должно противиться этому бессмысленному смертоубийству, но неведомые

Степану силы толкали людей на это под истошные вопли и нравоучительные проповеди тех, кто не хотел сам касаться

этой грязной работы, либо считал молча и не противясь, что иного выхода нет и эта необходимость и есть оправдание всех ужасов, которые приносят миллионы трагедий одним и чины и награды – другим. Страх -одно из самых сильных чувств, которое охраняет людей разумных и совестливых от этой беды. Мало кому хочется покинуть этот, сходящий с ума мир, не исчерпав всех возможностей устроить свою жизнь в поисках рая на земле. Именно этот страх и хранит человечество, как сообщество разумных особей. Все виды живых существ – тварей божьих, за небольшим исключением, в редких случаях занимаются истреблением себе подобных. Природа мудро регулирует пребывание тварей на своем теле. Только, по непонятным разуму законам, волки могут уничтожать волков, а тигры тигров, хоть они самые кровожадные хищники. Только люди, обдуманно и расчётливо, уничтожают себе подобных и разжигают животные инстинкты. Стая голодных волков,

выследив стадо диких кабанов, где самцы имеют клыки-резцы одним движением распарывающих брюхо волчьего вожака, долго преследует добычу, изнуряя жертву, добивает больных и обессиленных. Медведь – если не голоден, не бросается на человека, а добычу хранит до полного

поедания не ища новой жертвы. Сокол- хозяин неба, зорко выискивает добычу на земле и, падая камнем с большой высоты, не отбирает чужую добычу и не питается падалью, как вороньё. Сражения между рогатыми сохатыми происходят только как любовные игры в битве за самку, которая произведёт с победителем более жизнеспособное потомство. Побеждённый уступает поле боя, потеряв призрачное право, и, сохраняя свою жизнь. От этой

схватки только крепче стоит на ногах потомство победителя и совершенствуется вид. Изучая природу, и безумствующие

мудрецы в человеческом обличье утверждают, что войны- это благо, совершенствующее мир, и ступенька прогресса.

Истребить тех, кто стоит на пути прогресса, подчинить слабых, за счёт которых можно двигаться вперёд – отсюда самый быстрый прогресс в орудиях убийства. И смысл прогресса- в поедании благ, которых на всех не хватает. Расчистить маленькую землю для сверхчеловеков,

освободив её от лишних ртов, и, создав армии рабов покорных воле настоящих хозяев мира. Гуманитарная помощь американским индейцам зараженными

смертельными болезнями одеялами и накачка их спиртным, чтоб быстрее вырождались; производство и

распространение наркотического опиума и насильственное навязывание его быстро плодящимся китайцам; расстрелы из пулеметов бушменов и готтентотов в Африке – все эти блага цивилизаторов для обеспечения своего господства. Человеколюбцев, среди правящих элит,

не наблюдалось. Эти милые люди любили своих детей, самих себя, а иные должны были им только прислуживать и удовлетворять духовные и материальные потребности. Отсюда

человеконенавистнические теории раплодившиеся в

цивилизованном мире. В человеке борются два существа -одно- неразумное звериное, другое – божественное.

Прогресс человечества- есть движение от дикости к храму, который сам может построить в свое душе, так и во вне- в том материальном мире, который окружает его. Война не делает человечество и человека лучше в смысле строительства души и развития сил духовных в большинстве случав, но ведёт к большим изменениям в мире вещей, совершенствуя орудия убийства и орудия возрождения. В пламени войны рушатся цивилизации, исчезают народы. Потоки крови и страданий возмущают разум, рождают потоки чувств – от звериной злобы – до искупительного самопожертвования. В войне, чаще всего, обостряются дикие, звериные инстинкты, лезущие из нутра человеческого наружу. Страх смерти заставляет убивать того, кто объявлен врагом и поднял на тебя свое оружие. У

слабых и грешных людей затухает, от вида смертей и жесткостей, божественное, но человек инстинктивно ищет опору и хочет найти ту силу, что спасёт и явит себя силой способной убить войну. У одних вера рушится у других крепнет и война даётся, как наказание для испытания человека, как существа духовного. Война разжигает инстинкты дремавшие в глубине подсознания до времени, притупляет то, что существо впитало с молоком матери, которая даёт новую жизнь не на пожирание молохом войны, а на радость миру и творцу. И ласковые нежные песни, певшиеся над колыбелью, не должны превращаться в вопли разорванных войной сердец матерей над могилами молодых детей!

Война рождает удивительную породу людей являющих бесстрашие, безучастных к своей личной судьбе, когда дело касается боевого товарищества и верности долгу. Их немного, но они рождают тот дух, что ведёт за ними и некрепких духом и любящих милостивого бога христиан и иных. Это те потомки малоцивилизованных скифов, викингов, греков-спартанцев, римских центурионов,

монгольских боатуров и славянских богатырей, чьи суровые языческие боги требовали кровавых жертв и охраняли покой и богатства земли родной и вели на разбои в чужие земли. Это каста избранных дикими богами, кто на войну смотрел как на арену, где рождается доблесть, честь и достоинство. Старый викинг умирал в бою, считая это достойным чести концом жизни, чем ожидать смерть на тёплой лежанке. Для них бой был – показатель достоинств и сил духовных и физических. Такие бойцы, как и гладиаторы и борцы на арене цирка, вызывающие восторг публики от кровавых поединков, толкали политиков использовать эти инстинкты к мысли, что, направив эту кипучую энергию на разрушение жизней, они создадут условия для своего роста и возвышения тех, кого они захотят облагодетельствовать. История даёт редкие, но яркие факты, когда общество производило только воинов и многие годы было успешным. Спартриаты Девней Греции, из сотен мелких государств, явили режим, где у всех свободных мужчин была одна профессия- воин. Их кормили илоты-рабы обрабатывающие

земли и иноземцы ремесленники. Они вели суровую жизнь с колыбели до смерти, не нуждаясь в науках и искусствах, деньгах и излишествах. Спартанские матери были лучшими нянь-ками для младенцев и отказывались от своих детей не выказавших доблести в бою. Они безропотно отдавали своих мальчиков на воспитание суровым воинам и гордились павшими в битвах не проливая слёз.

Трусость – несмываемый позор. Товарищество-закон

жизни. Самые достойные шли в бой рядом с царём

шагавшим в бой в первом ряду воинов. И монгольские всадники, являя горстку диких азиатов, сумели покорить полмира. Сросшиеся с лошадью, скотоводы-араты, Чингиз-ханом были превращены в армию степных разбойников с железной дисциплиной. Привычные к моро-

зам и жаре, неприхотливые в пище и, считающие главным богатством лошадь, бившие стрелой на скаку бегущего волка баатуры (богатыри) оставили под копытами своих низкорослых лошадок просторы Южной Сибири, Китая, Средней и Передней Азии, хлынули с тьмой покоренных народов со своим разбойным войском в половецкие степи на Урал и Волгу. В жестоких сечах пали русские княжества и русские дружины вместе с воинами-башкирами участвовали

в походах азиатов, платя завоевателям дань своей кровью. Обильная городами и людьми, Русь не нашла такого вождя как Темучжин (Хан-океан, Великий хан-Чингиз).

К последнему морю их не пустили распри после смерти Чингиза, создавшего самую обширную империю, которой невозможно было управлять из Каракорума. К тому же, Папа Римский сумел сплотить перепуганную Европу и укрыться в крепостях рыцарям. Монголы не смогли переварить богатую добычу и закончили тем, что вошли в историю и остались небольшим и слабеньким государством в глубинах Азии. Богатства развратили знать и разрушили единство навязанное силой и жестокостью.

Проходили тысячелетия, а постоянные война оставалась универсальным средством для скорого решения многих проблем, затрагивая почти все поколения. Мудрецы подсчитали, что за всю писаную историю человечества только триста лет, когда не найдено упоминаний о войнах. Каких только объяснений не производили на свет философствующие исследователи о причинах войн: от

заложенных в каждом мужчине потребностях выплеснуть в агрессии свои силы, до экономических и социальных законов, требующих войну как священную жертву для успешной жизни. В бреду и в сознании многих политиков войне всякой можно было найти разумное объяснение.

Победа в войне требует напряжения всех сил человека. Интеллект, дух и опыт и ещё множество составляющих венчают победу. Стоят ли эти усилия хоть одной сознательно загубленной жизни? Неужели и боги и церкви освящают эту жертву и отпускают людям все грехи человекоубийства и почитают это за благо. Война не только порождает в человеке зверя, но и оставляет привычку убивать. Когда в войне теряется цель и смысл убивать, то инстинкт и привычка остаётся. Что дальше? Как вернуть убийцу в человеческое состояние- от ненависти повернуть к любви? Наученный убивать врага, и, заметивший, что врага нет и нет цели уничтожения, не найдёт ли легко другого врага на которого укажут и обвинят его во всех бедах, и призовут уничтожить? Кто оборвёт эту цепь убийств? От войн происходят и внутренние потрясения, как в человеке, так и в обществе. Как силой разума остановить безумство миллионов людей и направить силы духовные и физические на созидание?

Винтовка – рождает власть. Власть, опирающаяся на

штыки и вызывающая страх, не может плодить этот страх вечно. Она превращает этот страх в противоположность, порождает такие стихии, когда смерть, ставшая привычкой, и страх, загнанный внутрь человека, ведёт к взрыву сметающему то, что давило и гнуло, насиловало человека, отрывало его от любви и веры. Человечество должно

вернуться к своей главной сущности – трудиться в поте лица и ценить жизнь данную не на страдания, а на радость.

Как может горсточка честолюбцев повернуть массы людей и бросить их в топку войны? Какие струны души затронуть, какие песни спеть? Слава, богатство, власть,

возможность без большого труда сладко жить, имея рай на земле – стоит ли это призрачное счастье, купленное ценой крови, в то числе и своей, жертв и усилий? Бог или дьявол гонит скопища людей убивать себе подобных!? Почему жаждущие славы и власти сами не готовы нести жертвы? Кому достаются плоды воинских побед? Эти вопросы ещё не задавал себе Степан, но наступали времена, когда на эти вопросы начнут искать ответы миллионы людей. И горе тем, кто не услышит народный стон и не поймёт, что гнев обрушиться на них.

Если в Санкт-Петербурге, даже в кабинетах, где сновали люди в мундирах с погонами, о надвигающихся

Потрясениях не думали в должной мере (С 1 июня 1914 года по 31 декабря в России было произведено всего 253 мотора четырёх типов!?), то в Волынском полку, куда

вернулся Степан с надеждой на скорую демобилизацию, вовсю шла подготовка к летнему лагерному сезону с учениями, походными маршами, стрельбами. В мае ряды белых палаток выстроились ровными шеренгами на изумрудной траве. Лес оделся в зелёный наряд. В полку появилась авто-пулемётная рота броневиков образца 1911 года Русско-Балтийского завода. Белой краской сверкали названия: «Ястреб», «Орёл», «Сокол», «Коршун», «Свирепый», «Страшный», «Сердитый». По другую сторону близкой немецкой границы тевтоны поднимали в воздух громадные Цеппелины, которые озирали сверху с большой высоты приграничные территории необъятной по

просторам и людским ресурсам, сказачно богатой

природой, ещё мало затронутой промышленной

цивилизацией, Российской империи. С российской стороны в воздух поднимался дирижабль «Кречет». К винтовке Мосина крепили новый четырёхгранный штык Гулькевича, что был длиннее и легко входил в тело. В полку, в мирное время насчитывавшему 1500 нижних чинов, готовились увеличить его до штатного расписания военного времени в 3455 человек. В третьей гвардейской пехотной дивизии находилось четыре полка из одиннадцати императорской лейб-гвардии. Их задачей было прикрытие Варшавы и крупнейшего промышленного центра Лодзи. В Волынском полку зимой сменился командир. Вместо Турбина появился имевший боевой опыт Александр Владимирович Геруа. В военном округе имелось пятнадцать самолётов конструкции Сикорского. Вместе с самолётами в воздухе витал дух войны.

Пётр встретил возвращение Степана расспросами о сельчанах и подковыркой:

– Как там твоя краля не нашла дружка?

Отделение Степана за пять месяцев после очередного призыва превратило троих новобранцев в гвардейцев. Лагерную жизнь открыло общее построение. Гордость полка- оркестр, играл бравурные марши на зелёной поляне и совсем мирный новомодный джаз. На страницах же газет чёрными буковками били барабаны войны На улице в Париже был убит журналист Жан Жоресс- яростный разоблачитель замыслов военщины. В ресторанах пили шампанское, слушали джаз, любовались длинными дрыгающими ногами танцовщиц в кабаре и не обращали внимания на вопли отдельных писак. Правительства

уверовали, что всё можно утрясти тихо, по-семейному, по телеграфу, в тиши канцелярий и новые горы оружия без выстрелов сделают своё победное дело через угрозы и запугивания. Голодные до земель могли сесть за один стол с обожравшимися и вновь поделить сладкий пирог. Тридцать с лишним лет Европа не знала больших войн и наивно надеялась на продолжение благоденствия. Пусть войны катятся подальше от Европы, а нынешняя Европа

настолько цивилизована, что ни германские гунны, ни русские варвары – скифы, имеющие самые сильные армии, не вступят в открытый бой, а уравновесят друг друга в военных союзах, давно сколоченных на случай больших потрясений. Французские банкиры осыпали военными кредитами русского царя, твёрдо веря в его честное слово расплатиться» пушечным мясом» их русских мужиков за благополучие Парижа от вторжения диких тевтонов. Все хитросплетения дипломатии неведомы были Степану, но и он был вовлечён, как и миллионы других, в грандиозный спектакль означенный в театре красочной афишей – «Бой гладиаторов» на арене цирка, которым станет весь мир с его океанами и континентами. Первый выстрел, сразивший французского пацифиста Жореса, оказался холостым. Второй выстрел националиста и студента- недоучки, сразивший насмерть наследника австро-венгерского престола эрц - герцога Франца Фердинанда и его супругу в маленьком, провинциальном городишке Сараево,

вверг мир в хаос Первой мировой войны, затмившей и жертвами и последствиями всё, что произвела предыдущая история. Третий, одинокий выстрел солдата лейб-гвардии

Волынского полка, вверг Россию и весь мир в невиданные перемены, определившие развитие человечества на

большую часть двадцатого века. Погибла старая Россия и родилось в страшных муках и корчах новое государство совершавшее невиданный эксперимент. Рассказ об этом будет впереди.

От возвращения Степана в полк до рокового выстрела сербского студента Гаврилы Принципа оставалось ещё три месяца, которые Мария ещё проживёт без тревог, а в сладком ожидании скорой встречи, которая должна была решить судьбу Степана и её судьбу. Рок событий нёс весь мир в неизвестность. Кто мог предвидеть, что война разрушит четыре империи в Европе и Азии и создаст новые проблемы колониальным владыкам? Кто мог поверить, что все эти помазанники божии: султаны, короли, цари и императоры, забыв божественное предназначение, ввергнут своих, в большинстве богобоязненных, подданных в грех смертоубийства подобных себе. В демократиях – там, где глупые избиратели, с обработанными мозгами, передали это право президентам и председателям, в большинстве прожжённым политиканам и лгунам-это ещё куда ни шло- им бог не указ, а как же богом обласканные монархи в просвещённом веке, по какому Завету льют кровь тех, кого обязаны защищать и как Бог это терпит? Почему толпы, стоя на коленях, умоляют их уничтожить врага, а не зададутся вопросом, как их обвели вокруг пальца и натравили на таких же людей, что пашут землю и куют металл, учат ребятишек и пишут стихи? Как происходит сумасшествие и как за это отвечать?

И в полку Волынском многие солдаты и головы ломать

не хотели над этими вопросами, но свою новую профессию под надзором начальства осваивали основательно. Даже Степану, начитавшемуся книг по военной истории и газет с последними новостями, трудно было представить ссору трёх родственников, где английский король Георг 1, немецкий кайзер Вильгельм и русский царь Николай смогут смертельно рассориться. В веке девятнадцатом Россия помогала Пруссии и Германии не раз против Франции, а французы с англичанами не раз теснили Россию и торжествовали в Крымской войне вместе с извечными врагами России турками, а теперь объявившимися друзьями. Да и российский государь, получив нахлобучку от самураев и не успевший как предполагалось

перевооружить армию, не горел желанием воевать, но, на всякий случай, имел союз с недавними врагами и интерес большой на Балканах, прежде всего в овладении

Константинополем и влиянии среди балканских славян. Только что отгремели две войны на Балканах, о которых пошумели газетчики, но которые не взволновали обывателя. А тут только выстрел юноши-студента и политического недоучки из партии «Млада Босна»? Неужели это может разжечь мировой пожар? Да и сам террорист, мечтавший объединить всех славян под эгидой России и мститель за поругание славян австрийцами, не предполагал, что его «подвиг» понимет в мире такую бурю. Выстрел, который и втянул великие и малые державы не пожелавшими мирно за столом переговоров поступиться своими интересами в поделённом мире, где кто-то считал себя обиженным и обделённым. Сила – главный аргумент в решении многих споров. Так считают неразумные политики, но большинство людей с этим не согласно, но идёт за поводырями ведущими к пропасти. И внутри стран, в эпоху быстрых перемен, шли сложные социальные процессы, которые пытались притушить победной войной. Обыватель еще не понимал, что может принести война новой эпохи – эпохи динамита и электричества, моторов и бензина. Успехи наук создали невиданные средства разрушения и правила войны прежних столетий перестают действовать.

Прошла верхушка лета. Гимнастёрки, выгоревшие на солнце, пропитанные солёным потом лопались на спинах и плечах у взмокших измождённых солдат от постоянных напряжений на учениях. В воздухе пахло войной и военные это чувствовали острее обывателя и политика. Командир роты поинтересовался у Степана относительно продления службы. Его не обманывали миролюбивые заявления

дипломатов и родственные связи монархов. Он больше
доверял не своим чувствам, а аналитическому уму, но и он
не мог предположить ни масштабов, ни последствий
надвигающихся событий.

Степан ответил, что твёрдого решения не принял, но тянет его к земле и невесте и дома его ждут.

– Вольному -воля, только мне кажется, что нам не скоро
дом свой придётся увидеть. Сдаётся мне, что война не за
горами, а из тебя Драбков солдат суворовский может
получиться. У тебя и глазомер и расчёт на нужном месте и
силушкой наделён. Больше бы таких в армии было- и нам
бы спокойнее жилось и врагу охоты не было бы к нам лезть,
надеюсь на тебя.

Степана спешно произвели в заместители командира взвода и командира первого отделения третьей роты. На учениях усиленно отрабатывались вопросы и обороны и

наступления. Ощущения напряжения сквозили в действиях офицеров. Кто- то на лето отправил свои семьи на родину. Со вниманием вчитывались в свежие газеты. Период с 28 июня по 28 июля был заполнен попытками определиться в сербско – австрийском конфликте и занять наиболее

удобную позицию в оправдании перед избирателями и подданными своих намерений. Царь Николай получил телеграмму из сибирского села Покровского от старца, оберегавшего царскую семью, Григория Распутина, что лечился в больнице на родине и кого многие мужики считали своим заступником при царе: «Милый друг!

Ещё раз скажу: грозна туча над Россией, беда горя много, темно и просвету нет, слёз-то море и меры нет, а крови?…

Ты, царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать, и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать так всё по- другому. Не было от веку горше, страдальцы, всё тонет в крови великой, погибель без конца, печаль».

Прав оказался провидец, разумнее министров и депутатов. «Кузен Вилли» и жена Алиса уговаривали Николая уступить

требованиям Австро-Венгрии к Сербии. Русский царь слал телеграммы сербскому королю уступить во всём. А его кузен слал в Вену телеграммы зашифрованные- все уступки отвергать и воевать. Военный министр и министр дел иностранных просили начать мобилизацию, что, по их мнению, крайне необходимо. Под их напором Николай согласился и, придя к супруге сообщил эту весть. Алиса разрыдалась. Супруги за чаем просидели молча. Царь прервал привычный летний отдых в Царском селе и отправился в столицу. К Зимнему дворцу явились толпы возбужденных манифестантов (журналисты ура-патриоты делали свое дело). Людское море с портретами царя и флагами, пением гимна «Боже царя храни!» вызвали

государя на балкон. Тысячи людей пали коленями на брусчатку мостовой плача и молясь. 26 июля государь принял в Николаевском зале Зимнего дворца членов Четвёртой Государственной Думы, где большинство были ярыми монархистами, и членов Государственного Совета. В короткой речи, приободрённый император, используя опыт обращений своего победоносного предка Александра

Первого, с воодушевлением заявил, что «не окончит войны пока не изгонит последнего врага из пределов русской земли». В ответ председатель Думы Родзянко, ещё более возвышенно, произнес: « Дерзайте, Государь! Русский народ с вами, и твёрдо уповая на милость Божию, не остановиться ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство России не будет ограждено!» Царь прослезился!

«Кузен Вилли» слушал эту трескотню. Его генералы только и ждали когда Россия подаст сигнал и немецкий сапог ступит на её землю. 28 июля Россия заявила, что не допустит оккупации Сербии. Германия молчит. 31 июля царь объявляет всеобщую мобилизацию. Тут же в армию призываются несколько возрастов и численность должна вырасти с 1 350 000 до 5 338 000 человек. (Справка. В армии всего 240 тяжелых орудий и 4 157 пулемётов,

4 519 700 винтовок, 263 самолета, 14 дирижаблей, 101 мотоцикл и 2 трактора. Запас снарядов – 1000—1200 на орудие. К концу войны потребность в пулемётах удовлетворялась на 12%, в армии насчитывалось 10 000 000 человек, из них на фронте сражались 20%). В этот же день Германия встрепенулась и послала России ультиматум с требованием прекратить мобилизацию направленную против Германии и её союзницы Австро-Венгрии и в ответ на это объявляет свою мобилизацию. Немцы уже у границ Бельгии – нейтральной страны. Нейтралитет и

международные договоры уже не были надёжной гарантией спокойной жизни для тех кто не хотел воевать и не входил в военные союзы. В действие вступают планы двадцать лет разрабатываемые педантичными немецкими генералами. 1 августа министр иностранных дел Англии сообщил немецкому послу в Лондоне, что Англия в случае войны Германии и России останется нейтральной если немцы не тронут Франции. Вот так союзник!? В тот же день Германия объявляет войну России, рассчитывая, согласно планов командования, что пока Россия на своей гигантской территории и бестолковой бюрократии будет вести мобилизацию, тевтоны будут в Париже, а Франция у ног Германии. В этот же злосчастный день, без объявления войны, Германия, смяв в одночасье крошечное герцогство Люксембургское, начала военные действия. Франция бросилась за помощью к Англии, но английское правительство 12 голосами против 6 заявило, что не в состоянии сейчас оказать помощь и, если немцы займут только Люксембург, то Англия будет нейтральной. Посол Франции, забыв всякий дипломатический этикет, заявил, что если Англия предаст Россию и Францию, то после войны ей придется плохо, независимо от того, кто победит в войне – Германия или Россия с союзной Францией.

Молчание Англии привело к тому, что 3 августа Германия объявила войну Франции и нейтральной Бельгии. Когда же Бельгия отказалась пропустить её войска в обход сильно укреплённой французами оборонительной линии Мажино на границе с Германией, германский ультиматум требовал в течении 12 часов дать ответ. Своему населению кайзер объявил, что Франция бомбардировала с воздуха Германию, а Бельгия нарушила нейтралитет!? Забыты всяческие приличия!

Войска тевтонов хлынули через Бельгию. Король Бельгии обратился к гарантам нейтралитета за помощью и призвал свой народ к защите небольшой страны. Наконец, Англия направила в Берлин ультиматум, на который Германия демонстративно наплевала, дав ответ, что этот ультиматум-«предательство»? Англия объявляет войну Германии и послала пять дивизий на защиту Франции?!

Немецкий план Шлиффена предполагал вывести Францию из войны за 39 дней (какая точность!) Вильгельм в одой

фразе объявил планы: «Обед у нас будет в Париже, а ужин в Санкт-Петербурге!» План начал осуществляться, если не

считать непредвиденной задержки у стен Антверпена, где бельгийский король с остатками армии приостановил победное шествие тевтонов. В Санкт-Петербург из Парижа полетели телеграммы: «Спасите!!» 250000 французских,

английских и бельгийских солдат было за несколько дней уничтожено. Правительство покинуло Париж и, спешно бежав, переместилось в Бордо. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

(Справка. Вооруженные силы: Германия – 3 812 000 человек, тяжёлых орудий- 1688, самолётов – 232.

Австро-Венгрия – 2 300 000 человек, тяжёлых орудий- 168, самолётов – 65.

Россия – 5 338 000 человек, тяжёлых орудий – 240, самолётов – 263.

Великобритания – 1 000 000 человек? тяжёлых орудий- 126, самолётов – 80.

Франция – 3 781 000 человек, тяжелых орудий – 84,

самолётов – 156).

Вся эта круговерть стремительных, кровавых событий, всколыхнувших мир, подхлестнула боевую подготовку у волынцев. Не было- ни шапкозакидательских настроений,

ни – уныния. Третья гвардейская пехотная дивизия была направлена на защиту Лодзи и заняла позиции. В это время

две русские армии Самсонова и Реннекампфа, в ответ на вопли французов о помощи, вторглись с территории Царства Польского на территорию Германии в направлении на Берлин. Поначалу им сопутствовал успех, и в Берлине

началась настоящая паника, но приостановив натиск на

Париж, не имея возможности бросить туда резервы, немцы, оправившись и, отметив ошибки русского командования, не сумевшего организовать согласование действий двух русских армий, разбили русские армии, углубившиеся без должной поддержки и чёткого планирования в глубину территории врага. Не сумев взять Париж, немцы же

перегруппировали силы и повели наступление на Лодзь и Варшаву.

Роскошные казармы сменили походные палатки и полевые условия. Шинели, свёрнутые в скатку, являлись и одеялом и верхней одеждой. Вещмешок, с притороченной кружкой, фляга для воды, сапёрная лопата стали

постоянными спутниками солдатской жизни. Тесак на боку, винтовка с примкнутым штыком и патронташ на поясе неразлучны и днём и ночью. Наступила осень, а немцы ещё не решались перейти границу России в Царстве Польском и тщательно готовились к операции. Планы молниеносной войны начинали рушиться. Французы, благодаря

вторжению русских армий в Германию, великим жертвам

двух окружённых и погибших в Августовских лесах русских армий сумели выстоять, упереться и, зарывшись в

землю, стабилизировать линию фронта. Русское спешное наступление в Галиции опрокинуло австрийцев, которым потребовалась немецкая помощь. Русские армии в Польше готовились отразить врага. Взвод Степана, в котором был и Пётр, зарылся в землю, готовясь к обороне, и ждал приказа. Начались дожди, спустились ночные туманы. Лес готовился сбрасывать листву. Всё замерло в томительном ожидании первого боя. Шуточки и весёлые разговоры затихли. Враг был силён и скорого конца войны не предвещалось. В письме домой Степан коротко сообщал о себе, чтоб успокоить родных и близких. Снабжение и почта работали исправно. Нервы были напряжены. В полку было несколько офицеров, что повоевали с японцами и на Балканах, да из нового пополнения затесалось несколько солдат, что понюхали пороху. С японской войны прошло десять лет. Изменились уставы, но винтовка Мосина оставалась незаменимым оружием. Теперь – то время, что провели в

учебных боях, должно было проявить себя в бою

смертельном. Степан, как и многие его товарищи, ещё не сталкивался с этим и не знал как поведёт себя в бою. Устав- уставом, а бой – боем. Под холодным, нудным дождичком вспоминался жаркий летний день, когда в летнем лагере было объявлено общее построение полка и зачитан Всевысочайший Манифест о вступлении России в войну с Австро-Венгрией от 20 июля 1914 года (по старому стилю). «Божию милостию Мы, Николай Второй, Император и

Самодержец Всероссийский, царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным. Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с

славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлимые для Державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное

посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооружённое нападение, открыв бомбардировку

беззащитного Белграда. Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрия и Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стали домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ этим требованиям, внезапно объявили России войну. Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь,

достоинство, целость России и положение её среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты,

внутренние распри. Да укрепиться ещё теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на

Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на

Святую Русь и доблестные войска Наши Божие

благословение. Дан в Санкт-Петербурге в двадцатый

день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствия же Нашего в двадцатое. На подлинном Собственного Императорского Величества рукою подписано… Николай».

Степан вслушивался в каждое слово, стараясь понять смысл произнесённого. Зазвучал гимн России. Все дружно грянули: «Боже Царя храни, сильный, державный царствуй на славу, на славу нам. Царству на страх врагам Царь православный.

Боже царя храни, Боже царя храни».

Ни командир полка, ни Степан и его сослуживцы не знали о содержании телеграммы Николая Вильгельму за пять

дней до Высочайшего манифеста: «Рад твоему возращению в этот чрезвычайно серьёзный момент. Я прибегаю к твоей

помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры,

которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя во имя

нашей старой дружбы сделать всё, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко. Ники.“ В тот же день Николай получил телеграмму от германского родственника: „…Я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную нежную дружбу, издавна связывающую нас крепкими узами, я употреблю всё своё влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой. Я твердо

надеюсь, что ты придёшь ко мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые могут ещё возникнуть. Твой искренний и преданный друг и кузен Вилли». В Вену из Берлина шли шифрограммы: «Не уступать». Прошло пять дней и «Кузен Вилли» объявил брату и милому другу войну. «Дружба- дружбой, а табачок- врозь». Вильгельм хорошо понимал, что у быстро растущей, развивавшейся России с её гигантскими ресурсами будет широкая сеть дорог и мощный флот. Только на верфях самой Германии по заказу России готовились спустить на воду шесть броненосных кораблей и были ещё заказы в Англии и США. Медлить нельзя! Неизбежное произошло или одинокий выстрел

безумца вверг мир в пучину всеобщего сумасшествия? В тот же день, когда обменялись телеграммами «братья», начальник Генерального штаба русской армии

Н.Н.Янушкевич разослал телеграмму во все военные округа за №1285, в том числе и командующему Варшавским округом генералу Иванову: «…тридцатое июля (17) будет объявлено днём нашей общей мобилизации». 1 августа английский брат Николая Джорджи прислал телеграмму: «…безвыходное положение создано каким-либо

недоразумением, которое следует устранить». Всесильный режиссёр чётко планировал безвыходное положение,

которое уже не зависело, ни от императоров, ни от народов.

Степан с напряжением ждал первого боя. Он теперь ответственен не только за себя; под его командой теперь и те с кем он начинал службу и кто влился в полк за два года. Тридцать душ под его ответственностью. То что своим телом и разумом к бою готов, то Степан понимал и чувствовал, но как разить врагов? Стрелял метко, штык в чучело входил точно в назначенное место. И прикладом и тесаком и сапёрной лопатой владел на загляденье другим. Не зря три года ел солдатский хлеб! И обучить этому мог и призы в фехтовании на штыках брал с учебным оружием. Зверя в лесу добывал, но дома даже кур не рубил и скот не резал. Было дело когда до крови носы разбивал и скулы ворочал в молодецкой потехе боголюбовским парням. Так на то она и потеха. Отец с матерью внушали ему в детстве неприятие насилия над человеком и это крепко сидело в нём. Никакие книги читанные о войне, не привели его к ответу – кого и за что можно убивать? Однажды, всеми любимая полковая дама, хранительница библиотеки, поощрявшая его чтение серьёзной литературы и, видя его интерес к военной тематике, принесла ему книжечку рассказов Гаршина, которой не было в библиотеке в свободном чтении и попросила внимательно прочесть и вернуть ей в руки. Уже первый рассказ, прочитанный в выходной день в одиночестве на скамейке, в аллее погожим осенним днём, окрасившим деревья багрянцем и окрасившим кисти рябин в кроваво-красный цвет произвёл на него ещё большее впечатление, чем повествования графа Льва Толстого о войне. Рассказ смутил его разум и заставил задуматься о своем нынешнем ремесле, которое может вызывать муки и страдания не только у врага, но и в своей душе. Хватит ли сил душевных без страха и сомнения вершить своё дело не с соломенным чучелом, а с живой плотью чувствующей боль? Он в детстве, один раз, перенёс, как ему казалось, невыносимую боль и она, иногда, просыпалась в нём, когда в деревне он слышал визг, рёв и хрипы забиваемого скота. Степан в первый раз серьёзно задумался о войне, как о страшной несправедливости и бедствии. Четыре дня, опи-

санные писателем, добровольцем ушедшим на войну и познавший её ужасы, заставили Степана сейчас вернуться опять к пережитому при чтении в аллее. Перед его глазами, как живой, встал герой рассказа, забытый всеми в горячке боя, и сраженный врагом, сам вонзавший штык в живую плоть и стрелявший по людям. От страха громко кричал вместе с другими «Ура!» во всю глотку и мощь лёгких; молодой, полный, когда-то, сил и мечтаний солдат, медленно умирал, как ему казалось. Строчки знаков из книги переворачивали Степанову душу. Он возвращался к прочитанному не раз, но только сейчас, когда война добралась до его тела и сердца, его разум смутился и по телу от сердца потекла холодная кровь, от которой по спине прошёлся мороз. Размышления героя рассказа, глядевшего в лицо трупа убитого им турка, застрявшие в тайниках Степановой памяти, вернулись к нему опять в осеннем лесу с теми же багряными листьями и красными ветвями рябин. «В чём он виноват? Чем я виноват, хотя и убил его?» Ему скоро идти в бой. Сколько жизней он – крепкий, тренированный, наученный владеть смертельным оружием может унести? Цена жизни на войне- копейка. Любой вздох может оказаться последним. Во сколько оценят унесённую жизнь воина его родные и близкие? Сколько слёз прольют и до каких пор терзаться будут? Кто дал ему право убивать? И сейчас, с трепетом в сердце, ожидая первого боя, Степан думал и о Марии, которую стал ещё больше любить и вспоминать. Читая те же рассказы Гаршина, ворочавшие его мысли и будившие его чувства, Степан пытался понять что движет людьми и даёт им силы преодолеть все муки и тяжёлые обстоятельства на которые щедра жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.